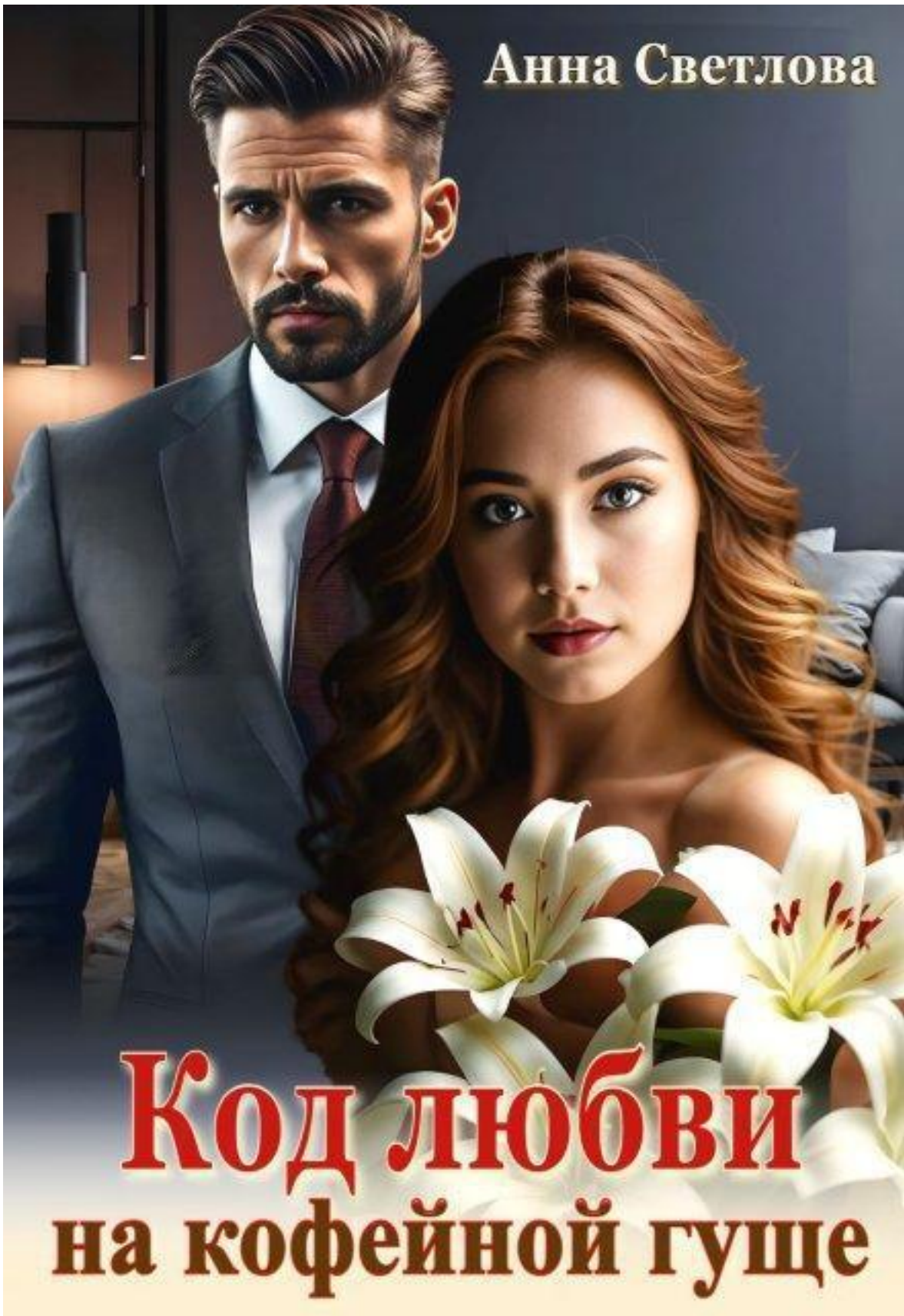

Анна Светлова

Код любви
на кофейной гуще

Анна Светлова

Код любви на кофейной гуще

«Литнет»

2025

Светлова А.

Код любви на кофейной гуще / А. Светлова — «Литнет», 2025

Иногда любовь начинается с пролитого кофе... Вера — бариста с солнечным характером, превращающая кофейню в островок тепла. Кирилл — талантливый дизайнер, спрятавший разбитое сердце за стеной иронии. Их миры не должны были пересечься, но судьба решает иначе. Одно неловкое движение, чашка кофе на дорогом ноутбуке — и между ними вспыхивает война характеров. Что победит: ледяная крепость недоверия Кирилла или упрямый солнечный свет Веры? Станет ли эта встреча новой болью или шансом на исцеление?

© Светлова А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Уголок утренних встреч	5
Глава 2. Аромат возможностей	7
Глава 3. Кофейное крещение	9
Глава 4. Латте со вкусом льда	11
Глава 5. Трещина в стеклянном коконе	13
Глава 6. Третий столик справа	16
Глава 7. Секунда до касания	18
Глава 8. Мятный чай с секретом	20
Глава 9. Алхимия кофейных зёрен	22
Глава 10. Полка, осколки и почти поцелуй	26
Глава 11. Под напряжением	29
Глава 12. Сдвигая границы	31
Глава 13. Правила перестановки	34
Глава 14. Грани допустимого	36
Глава 15. Кофейный соблазн	39
Глава 16. Альбом с призраками	42
Глава 17. Кому верит прошлое?	45
Глава 18. Синдром разбитого калейдоскопа	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Глава 1. Уголок утренних встреч

Утро в кофейне «Уголок» всегда начиналось одинаково — с тихого щелчка замка и скрипа половиц, будто здание лениво потягивалось после сна.

Я любила этот момент больше всего: пустой зал, наполненный тишиной. Можно украдкой поймать в ладонь солнечного зайчика, танцующего на стойке, и вдохнуть коктейль ароматов — кофейные зёрна, корица, ваниль, а ещё что-то неуловимо родное, как бабушкин пирог.

Первые лучи солнца пробивались сквозь окна, рисуя на полу узоры, похожие на кофейные кляксы. Я провела пальцами по барной стойке, отполированной до зеркального блеска множеством прикосновений. Включив кофемашину, прислушалась к её тихому гудению — музыке начинающегося дня.

— Доброе утро, красотка, — прошептала, поглаживая её блестящий бок. — Сегодня у нас будет хороший день. Только не вздумай капризничать, как в прошлый вторник, когда ты решила устроить мне душ из кофейной гущи прямо перед приходом гостей.

Расставляя чашки на полках, я мысленно перебирала лица постоянных посетителей, которые за годы работы стали почти семьёй. Вот-вот должна появиться Анна Петровна — пожилая учительница литературы на пенсии, которая всегда заказывает чай с бергамотом и черничный кекс. Она приходит к нам уже три года — с тех пор, как овдовела, и кофейня стала для неё местом, где всегда выслушают. Следом за ней придёт Максим — студент-медик с вечно растрёпанными волосами и тёмными кругами под глазами, ему нужен двойной эспresso, чтобы пережить очередной день учёбы. Иногда мне кажется, что в его венах течёт не кровь, а наш фирменный эспresso.

Тишина кофейни постепенно отступала, уступая место дню. Я включила негромкую джазовую музыку — ещё один ритуал, без которого «Уголок» не был бы собой.

Колокольчик над дверью мелодично звякнул ровно в восемь.

— А вот и моя любимая кофейная фея! — Анна Петровна, как всегда пунктуальная, вошла с улыбкой, от которой разбежались морщинки вокруг глаз.

— Доброе утро, Анна Петровна! — я уже доставала любимую чашку посетительницы — белую, с нарисованными фиалками, которую мы бережно хранили только для неё. — Как прошёл вечер чтения с внуками? Мишенька не заставил вас снова читать про динозавров?

Пожилая женщина просияла, устраиваясь за своим привычным столиком у окна, который негласно считался её территорией. Даже в самые загруженные дни никто не занимал это место до одиннадцати.

— Представляете, Верочка, Мишенька наконец-то полюбил «Маленького принца»! Я ведь вам говорила, что ему просто нужно было подрасти. А вы мне не верили!

— Каюсь, недооценила вашу педагогическую интуицию, — я шутливо подняла руки, признавая поражение. — Значит, скоро он дорастёт и до вашего любимого Достоевского?

— Не торопите события, милая, — рассмеялась Анна Петровна. — Всему своё время.

Заваривая чай, я слушала рассказ о семилетнем внуке Анны Петровны, который раньше считал книгу «девчачьей», а теперь не мог оторваться. В такие моменты чувствовала себя не просто бариста, а хранительницей маленьких историй, которыми делились посетители.

— Ваш чай с бергамотом и свежий черничный кекс, — я поставила на столик чашку, от которой поднимался ароматный пар. — Сегодня утром испекли, ещё тёплый.

— Благослови вас Бог, — Анна Петровна благодарно коснулась моей руки. — Вы единственная, кто помнит, что я люблю, когда черника чуть кисловата.

Колокольчик звякнул снова, на этот раз так энергично, что едва не оторвался. Максим ввалился в кофейню, на ходу пытаясь застегнуть рюкзак.

— Вера, спасайте! Через сорок минут семинар, а я всю ночь зубрил анатомию, — студент рухнул на высокий стул у барной стойки.

— Двойной эспрессо и бутерброд с индейкой уже готовятся, — я включила кофемолку. — И не забудьте сегодня поесть после учёбы. Кофеином сыт не будешь.

Руки двигались привычно: отмерить зёрна, утрамбовать, установить холдер, дожидаться, пока густая кофейная струя наполнит чашку. Запах свежемолотого кофе смешивался с ароматом подогретого сэндвича и звуками пробуждающейся кофейни.

— Вы мой ангел-хранитель, — Максим потёр красные от недосыпа глаза. — Кстати, я сдал тот ужасный тест! Помните, я тут сидел до закрытия в прошлый четверг?

— Конечно, помню. Вы выпили пять американо и съели все шоколадные маффины, — я улыбнулась, вспоминая, как Макс бормотал медицинские термины себе под нос.

К десяти часам кофейня «Уголок» превратилась в гудящий улей – уютный, наполненный ароматами и негромкими разговорами. Я проходила между столиками с подносом, запоминая новые лица и приветствуя знакомые.

Для Виктора, программиста из соседнего офиса — латте с карамельным сиропом и корицей. Для Марины, флориста из цветочного магазина напротив — капучино с пенкой, на которой я всегда рисовала цветок. Для пары пожилых супругов, заглядывающих каждую среду — две чашки какао и один чизкейк на двоих.

— Вера, милая, у вас руки волшебные, — восхищалась Ирина Степановна, разглядывая рисунок на пенке своего капучино. Она приходила к нам каждый день после утренней йоги, утверждая, что мой кофе – единственное, что помогает ей вернуться из нирваны в реальность. — Никто так не делает кофе, как вы.

— Секрет в любви, — я подмигнула, протирая стойку. — К кофе, к людям и к самой жизни.

Это была правда. Я вкладывала частичку души в каждую чашку. Может, поэтому посетители возвращались снова и снова — не только за напитками, но и за особой атмосферой, которую я старалась создать.

Ближе к обеду поток посетителей схлынул. Я протирала столики, напевая под нос мелодию, звучавшую из колонок. Солнце заливало кофейню тёплым светом, играя на гранях стеклянных банок с печеньем и конфетами.

С огромной радостью приветствую вас на страницах новой романтической истории. Вы держите в руках не просто книгу – это приглашение в мир, где чувства расцветают самыми яркими красками, где каждая встреча может изменить судьбу, а любовь способна преодолеть любые преграды.

Я создавала эту историю с особой теплотой и надеюсь, что вы погрузитесь в неё с головой, переживая вместе с героями их радости и печали, взлеты и падения.

Позвольте себе окунуться в водоворот эмоций и чувств, которые ждут вас на страницах истории.

Спасибо, что выбрали эту книгу. Я искренне надеюсь, что наше совместное путешествие в мир любви будет незабываемым.

Глава 2. Аромат возможностей

Колокольчик звякнул так резко и неожиданно, что я чуть не выронила тряпку. На пороге стоял незнакомец — высокий, с тёмными волосами, падающими на лоб, и хмурым взглядом, будто солнечный свет причинял ему физическую боль. Одет просто, но со вкусом: тёмно-синий свитер, подчёркивающий широкие плечи, джинсы, на плече — потёртая кожаная сумка для ноутбука.

Мужчина окинул помещение быстрым взглядом и, не говоря ни слова, направился к самому дальнему столу в углу, где тени от книжных полок создавали уютный полумрак. Его движения были чёткими, экономными, словно каждый жест выверен заранее.

Я подошла, когда незнакомец уже раскладывал на столе ноутбук и какие-то бумаги.

— Добрый день! Что будете заказывать? — я улыбнулась своей фирменной улыбкой, от которой обычно теплели даже самые хмурые лица.

Но не в этот раз. Мужчина поднял глаза — серые, холодные, как ноябрьское небо — и посмотрел так, словно я была досадной помехой.

— Американо. Без сахара, — голос оказался неожиданно глубоким, с лёгкой хрипотцой. — И, если можно, поменьше... — он сделал неопределённый жест, словно отгоняя невидимых бабочек, — всего этого.

— Всего чего? — я склонила голову набок, пытаясь понять, что именно вызвало его недовольство — музыка, освещение или я.

— Разговоров, — мужчина уже смотрел в экран ноутбука. — Просто кофе, пожалуйста.

Что-то кольнуло внутри — не обида, скорее профессиональный вызов. За три года работы в кофейне я научилась находить подход к любому посетителю, но этот... этот был особенным случаем.

— Один американо, без сахара и без улыбки. Сейчас принесу, — я развернулась, чувствуя спиной напряжённый взгляд.

Готовя заказ, украдкой наблюдала за странным посетителем. Сосредоточенное лицо, сведённые брови, пальцы, летающие по клавиатуре со скоростью пианиста-виртуоза. Время от времени он останавливался, смотрел в пространство перед собой, словно видел что-то недоступное обычным смертным, затем снова возвращался к работе с удвоенной энергией.

Поставив чашку на стол, я заметила на экране какие-то чертежи.

— Ваш американо, — произнесла тихо, стараясь не нарушать концентрацию клиента.

Мужчина кивнул, не поднимая глаз, и придвинул чашку ближе. Его пальцы — длинные, с мозолями на подушечках, как у человека, привыкшего много работать руками — на мгновение замерли над клавиатурой.

— Спасибо, — произнёс сухо, но без прежней резкости.

Я вернулась за стойку, но время от времени поглядывала на угловой столик. Было в этом хмуrom незнакомце что-то интригующее. Что-то, что заставляло задуматься — какая история скрывается за этим напряжённым взглядом? Что заставляет человека отгораживаться от мира наушниками и холодными односложными ответами?

— Вера, ты что, влюбилась? — шепнула мне Маша, второй официант, ловко выставляя на витрину свежие эклеры. — Уже пять минут пялишься в один угол с таким видом, будто там сидит Киану Ривз.

— Если бы, — фыркнула я, протирая и без того чистую стойку. — Просто пытаюсь понять, что за птица к нам залетела.

День продолжался своим чередом. Приходили и уходили посетители, звенел колокольчик, шипела кофемашина. А незнакомец в углу оставался неподвижным островком тишины и

сосредоточенности. Только один раз я заметила, как он поднял голову и посмотрел в окно — долгим, задумчивым взглядом, словно искал ответ на какой-то мучительный вопрос.

Когда солнце начало клониться к закату, окрашивая стены кофейни в тёплые оранжевые тона, незнакомец, наконец, собрал свои вещи. Расплачиваясь, он впервые посмотрел мне прямо в глаза — всего на секунду, но этого хватило, чтобы заметить в серой глубине что-то похожее на усталость и... одиночество?

— Вы закрываетесь в девять? — спросил неожиданно.

— Да, мы работаем каждый день до девяти, кроме воскресенья. В воскресенье до шести, — я протянула сдачу.

Мужчина кивнул, словно принимая к сведению важную информацию.

— У вас здесь тихо. Мне это подходит, — произнёс он, убирая бумажник. И, не прощаясь, вышел.

Колокольчик звякнул, словно ставя точку в этой странной встрече. Я смотрела на закрывшуюся дверь, чувствуя, что этот хмурый незнакомец ещё вернётся. И почему-то эта мысль вызвала улыбку.

Вечер опускался на город, заглядывая в окна кофейни золотистыми лучами. Я вдохнула полной грудью — запах кофе, выпечки и чего-то неуловимого, похожего на предвкушение. Аромат возможностей, которые приносит каждый новый день и каждый новый человек, переступающий порог «Уголка».

Глава 3. Кофейное крещение

Утро встретило меня проливным дождём и серым небом, затянутым тучами до горизонта. Капли барабанили по крыше, создавая уютную мелодию, которая странным образом успокаивала. Я протирала стойку, готовясь к утренней смене.

Тёплый свет пробивался сквозь запотевшие окна, обещая посетителям убежище от промозглой осенней непогоды. Наш «Уголок» словно обнимал каждого входящего: кремовые стены, деревянная мебель карамельного оттенка и мягкие диванчики с разноцветными подушками.

Колокольчик над дверью мелодично звякнул, объявляя о прибытии первого гостя. Я подняла глаза от кофемашины, которую как раз готовила к работе.

— Доброе утро! — приветливо улыбнулась вошедшему. — Чем могу помочь?

Смена только начиналась, и посетителей было немного — пара студентов с ноутбуками, пожилая женщина с книгой, да мужчина, уткнувшийся в планшет.

Колокольчик снова звякнул, и в кафе вошла Анна Петровна, в руках она держала потрепанный томик Чехова.

— Доброе утро, Верочка! — поздоровалась она, направляясь к своему любимому столику у окна. — Как настроение сегодня?

— Отличное. Хотя всю ночь читала новую книгу, — я поправила выбившуюся из строгого пучка прядь волос. — Вам как обычно?

— Да, дорогая, — кивнула Анна Петровна, устраиваясь поудобнее. — В такую погоду только хороший чай с кексом и любимая книга спасают от осенней хандры. Хотя молодой красивый мужчина тоже бы не помешал, — добавила она с озорным блеском в глазах.

Я рассмеялась и отправилась готовить заказ. Через пару минут вернулась с подносом.

— Вот, ваш чай и кекс. Сегодня тесто получилось особенно удачно.

— Спасибо, — задумчиво сказала Анна Петровна, поправляя очки. — Знаете, ваше кафе напоминает мне литературные салоны прошлого века. Так и представляю, как здесь собираются поэты и писатели, а вы, Верочка, муза для них всех.

— Ну что вы, какая из меня муза? — отмахнулась я.

Между заказами я любила наблюдать за прохожими через окно. Даже в дождь это было особым удовольствием — смотреть, как люди перепрыгивают через лужи, или, наоборот, степенно перешагивают их, сохраняя достоинство.

Пока Анна Петровна углубилась в книгу, я продолжила обходить столики, подливая кофе, подкладывая печенье и иногда украдкой записывая в блокнот смешные фразы, которые приходили в голову.

Первые строчки только легли на бумагу, когда колокольчик снова звякнул. Дверь распахнулась, впуская порыв ветра и высокого мужчину в тёмном пальто. Это был вчерашний хмурый посетитель.

Капли дождя играли у него в волосах. В руках его была сумка с ноутбуком, которую он бережно прижимал к груди.

Что-то в его облике заставило меня замереть с ручкой в воздухе. Чёткий профиль, упрямый подбородок, сосредоточенный взгляд. Вошедший двигался с какой-то кошачьей грацией, уверено и плавно.

Он занял столик у окна. Расстегнув пальто, аккуратно извлёк из сумки ноутбук и разложил бумаги. Каждое движение выверено, ничего лишнего. Я поймала себя на том, что наблюдаю за мужчиной слишком пристально, и смущённо отвела взгляд, делая вид, что протираю и без того сияющую чашку.

— Добро пожаловать в «Уголок», — произнесла, подойдя к столику. — Что будете заказывать?

Мужчина поднял глаза. Серые, пронзительно-холодные. Взгляд, от которого внутри всё сжалось.

— Двойной эспresso, без сахара, — голос звучал низко и уверенно.

— Что-нибудь из выпечки? Сегодня свежий яблочный пирог.

— Нет, благодарю, — отрезал, возвращаясь к документам.

Я кивнула и направилась к кофемашине. Готовить кофе — моя маленькая магия. Каждая чашка — произведение искусства: немного любви, шепотка внимания и быстрое движение рук. Я тщательно отмерила зёрна, утрамбовала их в холдер и стала ждать. Аромат свежесваренного кофе наполнил воздух, обнимая каждого гостя.

Вернувшись с эспresso, аккуратно поставила чашку перед посетителем.

— Ваш кофе, — произнесла я. — Если что-то понадобится, я рядом.

Мужчина кивнул, не отрываясь от работы. Я вернулась к обязанностям, время от времени поглядывая на незнакомца. Что-то в нём притягивало взгляд.

Дневная суета захватила кафе. Я порхала между столиками, принимала заказы, готовила кофе, разносила выпечку и успевала перекидываться парой фраз с постоянными клиентами. Телефонный звонок застал меня в момент, когда я готовила очередной капучино.

— Алло? Да, мам, я помню про встречу... Да-да, буду вовремя...

Разговаривая, продолжала работать, но мысли о предстоящем семейном ужине (где мама наверняка представит мне очередного «идеального кандидата в мужа») настолько захватили сознание, что я не заметила, как переполнилась чашка. Горячий кофе потёк по стойке.

— Ой-ёй! — торопливо схватила полотенце, пытаясь остановить потоп.

Отключив телефон, быстро приготовила новый капучино и направилась к столику, где ждал заказ. Проходя мимо незнакомца, подняла взгляд, не заметив сумку, оставленную кем-то на полу.

В этот миг время словно замедлилось. Нога зацепилась за ремешок, тело потеряло равновесие, а руки взметнулись вверх. Горячий кофе взмыл в воздух, описывая идеальную дугу, и устремился... прямо к столику незнакомца.

Звук разбивающейся чашки прозвучал как выстрел. Коричневая жидкость разлилась по поверхности стола, опасно приближаясь к открытому ноутбуку. Несколько капель всё же попали на клавиатуру. Мужчина среагировал молниеносно — подхватил компьютер, пытаясь спасти его от кофейного потопа.

— Господи! Простите, пожалуйста! — бросилась к столику, лихорадочно вытаскивая салфетки из кармана фартука. — Я такая неуклюжая! Ваш ноутбук пострадал?

Незнакомец медленно поднял глаза и одарил меня взглядом, от которого у меня мурашки поползли по коже.

Глава 4. Латте со вкусом льда

— Вы всегда так эффектно обслуживаете клиентов? — голос звучал с нескрываемым раздражением, резко и холодно. — Или это особая техника вашего заведения?

Щёки вспыхнули. Жар стыда разлился по лицу, шее, добрался до кончиков ушей.

— Я действительно очень сожалею, — пролепетала я, лихорадочно вытирая кофейные лужи салфетками. — Позвольте, я всё уберу...

— Благодарю, я справлюсь сам, — отрезал мужчина ледяным тоном, выхватывая салфетки. — Будьте добры, просто... принесите мне новый эспрессо.

Каждое слово, произнесённое с ледяной вежливостью, било точнее пощёчины, не оставляя места для оправданий. Я застыла, не зная, что сказать. Внутри поднималась волна возмущения, смешанного со стыдом.

— Кирилл Александрович, не будьте так строги, — вдруг раздался спасительный голос Анны Петровны. Она отложила книгу и смотрела на нас. — Подобное с каждым может случиться. В моей педагогической практике и не такое бывало.

«Кирилл Александрович?» — мысленно повторила я, запоминая имя.

— Анна Петровна, я ценю ваше заступничество, — Кирилл слегка смягчился, — но эти документы готовились всю ночь. Если бы не моя реакция...

— Простите меня ещё раз, — я наконец обрела голос. — Позвольте загладить вину.

Не дожидаясь ответа, решительно направилась к кофемашине. Пять минут спустя я вернулась к столику Кирилла, который уже успел навести порядок и снова погрузился в работу.

— Прошу прощения за неудобства, — я аккуратно поставила перед ним чашку с идеальным латте, на котором красовался рисунок солнышка, и тарелку с черничным пирогом. — Это за счёт заведения. Не вернёт потраченное время, но, надеюсь, немного поднимет настроение.

Мужчина поднял взгляд от экрана. В серых глазах промелькнуло удивление, быстро сменившееся настороженностью.

— Вы не обязаны, — произнёс он сухо.

— Это часть моей работы, — твёрдо ответила я. — Я испортила вам утро, теперь пытаюсь это исправить. Черничный пирог — наша фирменная выпечка, а латте я делаю по особому рецепту.

Уголок его губ дрогнул — не улыбка, но уже что-то обнадеживающее.

— Благодарю, — произнёс он после паузы. — Это... неожиданно.

— Приятного аппетита, — я развернулась, чтобы уйти, но его голос остановил меня.

— Подождите. Вы так и не представились.

— Вера, — обернулась я.

— Кирилл, — кивнул он. — На всякий случай запомню это имя.

Что-то в его тоне изменилось. Лёд не растаял полностью, но трещины появились.

— Знаете, Вера, — Кирилл отложил ручку, осматривая меня с холодным любопытством, — большинство официантов после такого инцидента просто извинились бы и поспешили скрыться. Ваш подход... оригинален.

— Не хочу быть, как все, — я пожалала плечами. — К тому же бегство не решает проблем. Только создаёт новые, разве не так?

— Философский подход, — Кирилл сделал глоток кофе, оставив след пены над верхней губой. Этот маленький несовершенный момент странным образом делал его более человечным. — Неплохо, — добавил он с едва заметным кивком.

— Рада, что сумела угодить вашему изысканному вкусу, — не смогла удержаться от лёгкой иронии.

Брови Кирилла взлетели вверх, а в глазах мелькнуло что-то похожее на интерес, быстро сменившийся привычной настороженностью.

— У вас острый язычок, — заметил он, выпрямляясь в кресле. — Это не всегда полезное качество для официантки.

— Зато честное, — парировала я. — Если что-то ещё понадобится, я буду рядом, Кирилл Александрович.

Возвращаясь к стойке, спиной чувствовала его взгляд. Странное ощущение — словно между лопатками покалывало. Сердце билось чаще обычного, а мысли путались.

Кирилл продолжал работать за своим столиком, периодически поглядывая в мою сторону. Я старалась не встречаться с ним глазами, но какое-то необъяснимое притяжение заставляло меня то и дело оборачиваться. Каждый раз, когда наши взгляды случайно пересекались, внутри что-то сжималось, а щёки предательски теплели.

— Интересный мужчина, правда? — шепнула Маша, вторая официантка, проходя мимо с подносом. — Уже третий раз приходит на этой неделе.

— Правда? — я постаралась, чтобы голос звучал равнодушно. — Не замечала.

— Ну конечно, — хмыкнула Маша. — А то я не видела, как ты на него смотришь.

— Я не смотрю! — возмутилась я шёпотом, чувствуя, как щёки снова заливают румянец. — Просто... профессиональное любопытство.

— Ага, особенно после кофейного крещения, — подмигнула Маша и упорхнула к другому столику.

Я вздохнула и вернулась к работе. День постепенно набирал обороты, посетителей становилось больше. Дождь за окном усилился, превращая улицу в размытое полотно серых красок. Люди спешили укрыться от непогоды, и наш «Уголок» наполнялся голосами, смехом и ароматами.

Через час я заметила, что Кирилл собирает свои вещи. Он аккуратно сложил бумаги в портфель, закрыл ноутбук и расплатился на кассе. Я подошла, чтобы забрать посуду с его столика.

— Уже уходите? — вопрос вырвался сам собой.

— Да, дела, — Кирилл щёлкнул замком портфеля, даже не взглянув на меня выверенными движениями.

Он медленно провёл пальцем по краю стола, где ещё виднелась едва заметная кофейная капля.

— Надеюсь, в следующий раз вы будете внимательнее...

Он уже повернулся к выходу, но вдруг обернулся, будто вспомнив что-то:

— Кстати, ваш латте, — он слегка наклонил голову, — удивительно сбалансированный. Почти как из La Marzocco[1]. — Пауза. Глаза сузились, поймав моё замешательство. — Жаль, мастерство не купишь за энтузиазм.

Слова повисли в воздухе, словно ледяные осколки. «Что это было? Похвала? Оскорбление?» — сердце бешено застучало, пока я пыталась расшифровать его тон.

Ну, Вера, ты не просто вляпалась. Ты вляпалась конкретно.

[1] *La Marzocco* — итальянский бренд, который считается одним из мировых лидеров в производстве кофемашин для кофеев.

Глава 5. Трещина в стеклянном коконе

Капли бились в стекло, превращая лобовое в мутное полотно. Обычно дождь успокаивал. Сегодня — раздражал. Пальцы впились в руль. Слишком сильно. Костяшки побелели. Где-то между третьей и четвёртой передачей в голове всплыл её образ. Карие глаза с золотыми искорками. Выбившаяся из пучка прядь. Упрямый подбородок.

Вера.

Просто Вера. Официантка из «Уголка», которая не побоялась ответить колкостью на сарказм.

Машина дёрнулась, резко остановившись у подъезда. Стеклянная высотка бизнес-класса — мой кокон. Безликий. Безупречный. Пустой.

Квартира встретила привычной тишиной, звенящей в ушах громче любого крика. Минималистичный интерьер в серо-белых тонах, идеальный порядок, ни одной лишней вещи. Пространство, организованное с математической точностью — каждый предмет на своём месте, ничего личного, ничего, что могло бы рассказать обо мне случайному гостю. Впрочем, случайных гостей здесь не бывало. Да и неслучайных тоже.

Снял пальто, аккуратно повесил на вешалку. Ботинки заняли своё место на полке. Портфель лёг на стеклянный журнальный столик. Ритуал, повторявшийся изо дня в день.

Кухня — царство хрома и матового стекла, стерильное, как операционная. Включил кофемашину. Дорогая, профессиональная модель, способная приготовить идеальный эспрессо. Но почему-то вспомнился тот латте. С пенкой. С солнышком.

«Глупости это всё», — тряхнул головой, отгоняя непрошенные мысли, словно назойливых мух.

Рабочая зона занимала большую часть квартиры. Панорамные окна открывали вид на город, размытый дождевой пеленой. Сел за стол, включил компьютер. Экран мягко светился, требуя пароль.

Пальцы замерли над клавиатурой. Чертежи на экране плыли. Вместо линий — её улыбка.

«К чёрту мысли! К чёрту всех!» — мысленно приказал себе, вводя пароль с такой силой, что клавиши жалобно скрипнули.

Работа всегда была моим спасением. Линии, текстуры, цветовые палитры — мир, где всё подчинялось гармонии, где не было места хаосу. Дизайн интерьеров требовал чувства стиля, понимания пространства и умения воплощать чужие мечты. Идеальная работа для человека, создающего уют для других, но не для себя.

Но в тот вечер проекты расплывались перед глазами, превращаясь в непонятные наброски, а мысли упорно возвращались в маленькую кофейню с нелепым названием «Уголок», где время, казалось, текло иначе.

Надел наушники. Музыка — единственное, что помогало мне абстрагироваться от внешнего мира. Бах, математически выверенные фуги, идеальная структура, никаких эмоциональных всплесков.

Телефон завибрировал. На экране высветилось имя — «Ника». Бывшая жена. Десять лет брака, закончившиеся предательством. Классическая история — лучший друг, ранний мой приезд и их обнажённые тела на нашей постели. Момент, когда мир рухнул, а сердце покрылось ледяной коркой. Ника звонила раз в месяц — по привычке, из чувства вины или просто чтобы убедиться, что я всё ещё жив. Разговаривать было не о чем. Всё было сказано три года назад, когда подписывались документы о разводе, превращая десятилетие совместной жизни в сухие юридические термины.

Мой палец завис над кнопкой «Отклонить». Но в последний момент — «Принять».

Тишина.

— Кирилл? — её голос, осторожный, как шаги по тонкому льду.

— Да.

— Как ты?

— Работаю.

— А... ну да. Конечно.

Пауза.

— Я просто... хотела уточнить насчёт дачи. Ты ведь не против, если я заберу свои вещи?

— Забирай.

Ещё пауза. Длиннее.

Фоновый шум — её новый муж что-то говорит.

— Мне пора, — быстро ответила Ника.

— Удачи.

— Кирилл...

Но я уже положил трубку. Наушники снова наполнились музыкой, отсекая внешний мир стеной звуков. Погрузился в работу, заставляя мозг фокусироваться на линиях, а не на воспоминаниях.

Через час желудок напомнил о себе голодным урчанием. Посмотрел на часы — было почти девять вечера. День пролетел незаметно, растворившись в потоке задач. В холодильнике — стерильная пустота, белый саркофаг без намёка на жизнь. Готовить я не любил, предпочитая заказывать еду или питаться в ресторанах.

Вспомнился черничный пирог из «Уголка». Удивительно вкусный, с идеальным балансом сладости и кислинки.

«Наш фирменный пирог», — сказала Вера, её голос тёплый, как черничная начинка.

Поймал себя на мысли, что хотел вернуться в эту кофейню. Не из-за женщины, конечно. Просто там было... уютно. Тихое место, где можно было работать. И кофе действительно был хорош, не то что обжигающая жидкость из сетевых заведений.

«Самообман», — усмехнулся, заказывая суши через приложение, как делал сотни раз.

Пока ждал, стоял у окна, следя, как капли размазывают городские огни в акварельные кляксы. Ладонь прилипла к холодному стеклу. Одиночество всегда было моим щитом, надёжной бронёй. Почему сегодня оно давило, высасывая тепло из костей?

После ужина снова работа. Наушники отсекали все звуки, создавая иллюзию полной изоляции от мира. Человек в наушниках — современный отшельник, добровольно отгородившийся от реальности. Это был я.

Телефон вздрогнул, словно пытаясь вырваться из рук. Сообщение от Михаила:

«Встреча с клиентами перенесена на завтра. 11:00».

Я стиснул зубы. Опять. Как будто мир специально испытывал моё терпение. Отправил короткое «Ок» и вернулся к работе. Чертежи, палитры, визуализации. Мир, в котором всё было предсказуемо и гармонично, в отличие от хаоса человеческих отношений.

В два часа ночи усталость взяла своё. Закрыв ноутбук, снял наушники. Тишина. Давящая, густая, как вата в ушах. Я щёлкнул пальцами — эхо разнеслось по пустой квартире, будто стук по стеклянному стакану.

Спальня встретила стерильной белизной — ни одной складки на пододеяльнике, ни пылинки на прикроватной тумбе. Закрыв глаза, а под веками — карие глаза с золотистыми крапинками, будто кто-то рассыпал по ним медную пудру.

«Не хочу быть как все», — фраза, сказанная с вызовом и достоинством, прозвучала в памяти, словно колокольчик в тишине.

Усмехнулся в темноту. Действительно, не как все. Большинство людей были предсказуемы как механизмы. Нажми нужную кнопку — получи ожидаемую реакцию. А она... она была

загадкой, нарушением привычного порядка, трещиной в моём идеально выстроенном интерьере жизни.

Страх, подобострастие, обида, агрессия — стандартный набор эмоций. Вера оказалась сложнее. Интереснее.

«Опасные мысли», — предупредил внутренний голос.

Люди ненадёжны. Эту истину я усвоил давно, выпит с горечью детских слёз. Сначала отец, ушедший из семьи, когда мне было десять — исчезнувший, как тень на закате. Потом мать, предпочитавшая алкоголь вместо общения с собственным ребёнком. Затем Ника, выбравшая лучшего друга. Список предательств можно было продолжать бесконечно, как бесконечен список разбитых надежд.

Единственное, на что можно было положиться — собственный разум и работа. Холодная логика чертежей, безупречная геометрия линий. Всё остальное — иллюзии, мыльные пузыри, которые рано или поздно разбивались о камни реальности.

Но почему-то образ девушки из кофейни не желал исчезать. Что-то в ней зацепило, пробило брешь в моей тщательно выстроенной защите.

«Просто усталость», — убеждал себя, переворачиваясь на другой бок.

Завтра нужно было быть в форме. Встреча с инвесторами, потом совещание с командой, затем работа над новым проектом. Плотный график, расписанный по минутам. Никакого времени на глупости вроде размышлений о случайной официантке.

И всё же, засыпая, принял решение. Завтра после встречи заеду в «Уголок». Просто выпить кофе. Просто поработать в тихом месте. Ничего личного.

Сон пришёл внезапно, утягивая в глубину. И впервые за долгое время мне приснилось что-то кроме бесконечных чертежей. Снилось улыбка и солнышко, нарисованное на пене кофе.

Утро началось с привычного ритуала. Душ, бритвё, чёрный костюм, белая рубашка — доспехи современного рыцаря. Завтрак — чашка эспрессо и тост. Никаких отклонений от графика.

Собрал документы, проверил презентацию. Всё было готово к встрече с клиентом. Осталось только надеть наушники и погрузиться в музыку по дороге в офис.

Бах сменился Вивальди. В тот день хотелось чего-то... живого. Как будто лёд внутри начал таять, выпуская на свободу запертую реку.

Выходя из квартиры, поймал своё отражение в зеркале прихожей. Строгий костюм, идеально выбритое лицо, ледяной взгляд. Человек-функция, человек-механизм. Манекен с дорогим ценником.

«Кто я на самом деле?» — спросил я себя.

Вопрос остался без ответа. Надел наушники и вышел за дверь, оставляя сомнения в пустой квартире.

День предстоял напряжённый. Но где-то в глубине сознания мерцала мысль о маленькой кофейне.

Я спускался в лифте, отгороженный от мира музыкой. Но впервые за долгое время мне хотелось эту музыку выключить и услышать другой голос. Голос, произносящий: «Не хочу быть как все».

Может быть, в этих словах была истина, которую я слишком долго игнорировал. Двери лифта открылись, выпуская меня в шумный мир. Я шагнул вперёд — но не в офис. В «Уголок».

Глава 6. Третий столик справа

Утро в «Уголке» всегда начиналось одинаково — с пьянящего аромата свежемолотых зёрен и мелодичного шипения кофемашины, похожего на тихий шёпот обещаний нового дня. Я упивалась этими первыми часами, когда кафе ещё не наполнилось шумом посетителей, а было только моим — тихим и уютным.

Медленно скользя тряпкой по гладкой поверхности столиков, я поймала себя на том, что мой взгляд, будто заколдованный, снова и снова возвращается к угловому месту у окна. Третий столик справа. Его столик. Кирилла. Место, которое теперь казалось наэлектризованным даже в его отсутствие.

— Вер, ты опять витаешь где-то в облаках? — голос Маргариты Викторовны заставил вздрогнуть. Хозяйка кафе застыла в дверях подсобки, сжимая в руках коробку с круассанами. — Клиенты не любят, когда бариста пялится в пустоту.

— Простите, я сейчас, — я поспешно схватила поднос, чувствуя, как предательский румянец заливает щёки. Но третий столик продолжал притягивать мой взгляд с силой магнита.

Прошло всего несколько дней с того дня, когда хмурый мужчина в безупречно скроенном костюме впервые переступил порог нашей кофейни. Теперь он приходил каждый день, словно выполняя какой-то личный обет. Всегда в одно и то же время — 15:30. Всегда занимал один и тот же столик. Всегда заказывал двойной эспрессо.

Кофемашина издала знакомый звук, вырывая меня из плена собственных фантазий и возвращая к реальности. Утренние посетители начали заполнять кафе — взъерошенные студенты с потрёпанными ноутбуками, офисные работники в отглаженных рубашках, хватающие кофе навынос. Привычный калейдоскоп лиц, улыбок, заказов.

— Доброе утро, Верочка! Мне как обычно, — попросила Анна Петровна, её морщинки сложились в лучики вокруг добрых глаз.

— Всё сделаю, — я улыбнулась, доставая чашку с золотистой каймой — особую, отложенную специально для постоянной клиентки.

День тёк своим чередом — заказы, улыбки, мелодичный звон посуды, убаюкивающий шум кофемолки. Но где-то на периферии сознания тикали невидимые часы, отсчитывающие секунды до 15:30.

Я украдкой взглянула на часы — 15:25. Ещё пять мучительных минут. А вдруг сегодня он не придёт? Поймала себя на том, что нервно поправляю непослушные пряди волос, глядя в искажённое отражение хромированной кофемашины. Глупость какая-то. Подумаешь, очередной клиент. Просто постоянный посетитель, каких десятки проходят через наши двери.

Входная дверь открылась ровно в 15:30, впуская прохладный октябрьский воздух и его — высокого мужчину в тёмно-сером пальто. Сегодня без наушников, отгораживающих его от мира. Это было новым.

Кирилл окинул кофейню цепким взглядом, словно проверяя, не нарушен ли привычный порядок вещей, не занят ли его столик каким-нибудь случайным посетителем. Заметив меня, он кивнул — сдержанно, но уже не так холодно, как в первые дни.

— Добрый день, — его голос, глубокий и бархатистый разлился по моим венам сладким теплом. — Двойной эспрессо, пожалуйста.

— Как обычно, — я не спрашивала, а утверждала.

Что-то промелькнуло в серых глазах — удивление? Признание? Тень улыбки? Кирилл снова кивнул и направился к своему столику, на ходу расстёгивая пальто.

Готовя кофе, я наблюдала, как он раскладывает на столе свои вещи. Всегда в одном и том же порядке: ноутбук — по центру, телефон — справа, блокнот с дорогой на вид ручкой — слева. Затем проверка времени — короткий взгляд на наручные часы, сверка с телефоном.

Ритуал, повторяющийся день за днём с точностью часового механизма, завораживающий в своей предсказуемости.

Сегодня я решилась на маленький эксперимент. К двойному эспрессо добавила маленькую стеклянную баночку с мёдом акации — золотистым, как утреннее солнце в витринах кофейни. Сердце колотилось так, словно я совершала преступление, а не просто предлагала альтернативу обычному сахару.

— Ваш кофе, — произнесла я, поставив чашку на стол и намеренно задержав руку чуть дольше. — И мёд. Попробуйте вместо сахара. Раскрывает вкусовые нотки кофе совершенно иначе.

Кирилл поднял взгляд от экрана ноутбука, где мелькали какие-то чертежи и таблицы. Серые глаза, холодные и пронзительные, внимательно изучали сначала баночку с мёдом, потом — моё лицо, заставляя щёки предательски вспыхнуть.

— Я не просил мёд, — в голосе не было раздражения, которого я так боялась. Скорее, в нём звучало любопытство.

— Знаю, — я пожала плечами с напускной небрежностью. — Это рекомендация бариста. Профессиональная.

Уголок его губ дрогнул — не улыбка ещё, но её предвестник. Что-то изменилось в его лице, и за маской делового человека на мгновение проступили черты кого-то другого — живого, способного удивляться.

— Профессиональная, значит, — он взял чайную ложечку, зачерпнул немного мёда и добавил в эспрессо. — Посмотрим.

Я отошла к стойке, делая вид, что занята работой, а сама продолжала наблюдать. Пальцы бессмысленно перебирали стопку салфеток. Кирилл размешал кофе медленными гипнотическими движениями, поднёс чашку к губам, сделал глоток. На мгновение прикрыл глаза, словно прислушиваясь к вкусу.

А потом произошло маленькое чудо — он улыбнулся. Едва заметно, одними глазами, но для человека, который всегда выглядел так, будто улыбка была для него чужеродным понятием, это казалось прорывом. Морщинки в уголках глаз сложились в тонкий узор, смягчив резкие черты лица.

Время в кофейне, казалось, замедлило свой бег. Я ловила себя на том, что придумываю поводы пройти мимо его столика — протереть соседний стол, поправить вазу с осенними цветами, спросить у других посетителей, не нужно ли им чего-нибудь ещё. Каждый раз, проходя мимо, я чувствовала на себе его взгляд — уже не скользящий сквозь меня, а внимательный, изучающий, словно я тоже стала для него загадкой, требующей решения.

Когда Кирилл уходил, то задержался у стойки.

— Спасибо за рекомендацию, — сказал негромко. — Было... необычно.

— Завтра попробуем что-нибудь ещё, — слова вырвались сами собой, и я тут же пожалела о своей смелости.

«Глупость! Он же деловой человек, а ты ведёшь себя как школьница», — пронеслось в голове.

Но Кирилл не выглядел раздражённым. Что-то мелькнуло в его глазах — искра интереса, промелькнувшая так быстро, что я могла её и вообразить.

— Завтра, — повторил он, и в этом слове прозвучало что-то вроде обещания. А может, мне так хотелось думать.

Когда за ним закрылась дверь, я ещё долго стояла, глядя на опустевший третий столик справа. Завтра. Одно маленькое слово, а в нём — целая вселенная возможностей.

Глава 7. Секунда до касания

Дни складывались в недели. Кирилл приходил каждый будний день ровно в 15:30. Всегда садился за третий столик справа. Но теперь заказ звучал иначе:

— Удивите меня, Вера, — говорил он, и в глазах мелькали искорки, которых раньше не было. — Хотя вряд ли вам это удастся.

Я экспериментировала. Латте с кардамоном. Эспрессо с щепоткой морской соли. Капучино с корицей. Каждый раз — новый вкус.

Иногда он оставался до закрытия. В такие вечера я нарочно задерживалась рядом, делая вид, что протираю соседние столики. Сердце колотилось как бешеное, стоило ему поднять взгляд.

— Вы всегда так много работаете? — спросила я однажды, когда кафе опустело и только мы вдвоём оставались в мягком свете ламп.

Кирилл оторвался от ноутбука, моргнул, потёр покрасневшие глаза.

— Работа — это то, что у меня получается лучше всего. Потому что всё остальное... — он замолчал, сжав губы.

— А что ещё у вас получается? — я рискнула сесть напротив, чувствуя, как пересыхает во рту.

Он смотрел на меня так долго, что щёки начали гореть.

— Раньше я играл на фортепиано, — наконец произнёс он, и его пальцы непроизвольно сжались, будто ощущая невидимые клавиши. — Очень давно.

— Почему перестали?

Он провёл по клавиатуре ноутбука, и я вдруг заметила тонкий шрам на его указательном пальце — ровный, как от пореза.

— Решил, что это непрактично, — он резко сомкнул ладонь, словно пряча след прошлого. — Выбрал более надёжный путь.

— Надёжный не значит правильный, — выпалила я, вставая. — Иногда непрактичные вещи приносят больше счастья.

Кирилл промолчал, но его взгляд не отпускал меня, пока я собирала посуду. В тот вечер он ушёл последним, и на прощание сказал:

— До завтра, Вера.

Впервые он назвал меня по имени. Внутри что-то сжалось и оборвалось.

Октябрь сменился ноябрём. За окнами лил дождь. Кирилл по-прежнему приходил каждый день, но теперь иногда задавал вопросы. О кофе, о книгах, обо мне.

— Откуда вы столько знаете о кофе? — спросил он, когда я рассказывала о разных сортах.

— Училась, — я улыбнулась, чувствуя, как пульс стучит в висках. — Три года назад прошла курсы бариста. Потом была стажировка в Италии. А потом... — я запнулась, — устроилась сюда. Маргарита Викторовна дала мне свободу экспериментировать.

Он смотрел на мои руки, пока я говорила. И от этого взгляда по телу разливалось тепло, которого я не чувствовала уже очень давно.

— Вы любите это место, — в его голосе не было вопроса, только утверждение.

— Да, — я кивнула. — Здесь особая атмосфера. Я вкладываю душу в каждую чашку, хоть это и не моё заведение.

Кирилл огляделся, словно впервые замечая детали: потёртые книги на полках, вязанные салфетки; старинные кофемолки.

— Здесь чувствуется... тепло, — произнёс он тихо.

Что-то дрогнуло в груди от этих слов.

— Спасибо, — только и смогла ответить.

Я начала замечать его привычки. Как он хмурится, когда что-то не получается — между бровями появляется глубокая морщинка. Как отстукивает пальцами какой-то только ему известный ритм. Как иногда замирает, глядя в окно, будто видит что-то своё, далёкое.

В тот дождливый день Кирилл пришёл насквозь мокрый.

— Вам нужно согреться, — я протянула полотенце из подсобки.

Наши пальцы встретились, и по телу пробежала дрожь. Его руки были ледяными, но кожу обожгло от прикосновения.

— Спасибо, — он на секунду задержал мою руку. — Вы всегда так заботитесь о посетителях?

— Только о тех, кто заказывает кофе с мёдом, — выпалила я, чувствуя, как горят щёки.

Я приготовила ему горячий шоколад с корицей. И впервые увидела его настоящую улыбку — открытую, живую.

— Это лучшее, что я пробовал за долгое время, — сказал он, делая глоток. На верхней губе остался след от шоколадной пены, и я едва удержалась, чтобы не протянуть руку и не стереть его пальцем.

— У вас... — я показала на свою губу.

Кирилл смутился и быстро вытер рот.

— Неловко получилось, — пробормотал он.

— Наоборот, — возразила я. — Это так... по-настоящему.

В середине ноября случилось непредвиденное — Кирилл не пришёл. Я поймала себя на том, что каждые несколько минут смотрю на дверь. Часы показывали 16:00, потом 17:00, потом 18:00. Третий столик справа пустовал.

— Вера, ты сегодня как на иголках, — заметила Маша, протирая кассу. — Что-то случилось?

— Нет, всё в порядке, — соврала я, чувствуя, как сжимается желудок.

Когда часы показали 19:00, я смирилась — он не придёт. Внутри разлилась пустота. Глупо было так привязываться к клиенту, но я ничего не могла с собой поделать.

Пустота внутри разрасталась с каждой минутой. Я так привыкла видеть его каждый день, что его отсутствие ощущалось физически — будто что-то оторвали.

На следующий день, ровно в 15:30, дверь скрипнула. Я даже не успела поднять голову — сердце уже ёкнуло, будто узнало его шаги.

Кирилл стоял на пороге. Его рубашка была помята. Под глазами — синеватые тени.

— Всё нормально? — спросила я, чувствуя, как сердце колотится о рёбра.

Он тяжело вздохнул и потёр лицо. Его пальцы дрожали.

— Да, — хрипло ответил и поднял на меня усталый взгляд. — Не спал совсем. Две ночи подряд.

Я машинально потянулась к кофемашине — сделать ему двойной эспрессо.

— Вчера не смог прийти, — вдруг сказал он, наблюдая за моими движениями. — Боялся, что вы подумаете...

— Что я подумаю? — выпалила я и тут же прикусила язык.

Уголки его губ дрогнули, и в глазах мелькнуло что-то тёплое.

— Что мне разонравился ваш кофе.

Я поставила перед ним чашку, но он даже не взглянул на неё. Его взгляд не отрывался от моего лица.

— Я скучал, — сказал он, и его голос звучал хрипло. — По кофе. По этому месту. По...

Замолчал, в тишине между нами вдруг стало так громко, что я услышала, как бьётся моё сердце. Его пальцы слегка дрогнули возле моей руки — не дотрагиваясь, но и не отдаляясь.

Глава 8. Мятный чай с секретом

Декабрь вступил в свои права, превратив город в чёрно-белую гравюру. Запотевшие окна «Уголка» мерцали в сумерках, как акварельные пятна, а сладкий аромат корицы и свежей выпечки висел в воздухе густым маревом. Я вытирала столик у окна, когда двери распахнулась с резким звоном колокольчика.

Холодный воздух ворвался в кофейню вместе с Кириллом. Сердце ёкнуло — что-то в его сегодняшнем виде заставило пальцы непроизвольно сжать тряпку. Он двигался как человек, преодолевающий невидимое сопротивление — плечи напряжены, бледное лицо искажено гримасой боли, веки приспущены, будто свет причинял физическую боль.

— Двойной эспresso? — спросила я, замечая, как его пальцы судорожно сжимают виски. Мой голос прозвучал неестественно громко во внезапно наступившей тишине.

Он поднял взгляд, и в сером свете декабрьского дня я увидела, как пульсирует жилка на его виске.

— Да, пожалуйста, — его голос был хриплым, едва слышным.

Вместо того чтобы отойти, я замерла на месте.

— У вас мигрень? — слова вырвались сами, прежде чем успела их обдумать.

Его глаза расширились, будто я поймала его на чём-то постыдном.

— Как вы... — он резко зажмурился, — догадались?

— У мамы такие же приступы, — я нервно поправила фартук, вдруг ощущая себя слишком обнажённой под его взглядом. — Кофе только усилит боль.

Он откинулся на спинку стула с тихим стоном, и в этот момент выглядел настолько беззащитным, что у меня защемило под рёбрами.

— Но мне ещё работать.

— Подождите.

За стойкой мои руки действовали сами: мятный чай, ложка липового мёда, долька лимона, щепотка имбиря. Мамин рецепт. На поверхности пены зубочисткой вывела улыбающуюся рожицу — глупую, детскую, но почему-то вдруг показавшуюся уместной.

Когда я поставила чашку перед ним, его брови поползли вверх.

— Это не кофе, — хрипло произнёс он.

— Мятный чай. От мигрени. — Щёки вспыхнули, будто я совершила что-то непристойное. — И немного глупости. Для настроения.

Наши пальцы случайно соприкоснулись, и по спине пробежали мурашки. Он смотрел на чашку, и я видела, как медленно расслабляются его плечи. Уголки губ дрогнули в намёке на улыбку.

— Вы всегда так... неожиданны? — в его голосе появились тёплые нотки.

— Только с теми, кто выглядит так, будто вот-вот рухнет, — ответила я, внезапно осознав, что говорю куда больше, чем планировала.

Он сделал глоток, и его веки дрогнули. Я не могла отвести взгляд от его лица — красивого в своём страдании, как треснутая античная статуя.

— Оставайтесь, — его голос остановил меня. — Если у вас есть минутка.

Кофейня была пуста. Я села напротив, внезапно осознав, как громко стучит моё сердце. Казалось, он должен слышать этот стук.

— Чёрт, действительно легче, — он выдохнул, и это было похоже на капитуляцию.

— Мята расширяет сосуды, — я мяла салфетку, пытаюсь скрыть дрожь в пальцах. — А лаванда нервы успокаивает.

— Лаванда... — он повторил задумчиво, будто пробуя слово на вкус. — Да, это именно то, что я чувствую.

Тишина между нами была особенной — не неловкой, а словно наполненной невысказанными словами, которые вибрировали в воздухе.

— Вы очень наблюдательны, Вера, — он сказал это так, будто констатировал факт. Его глаза, несмотря на боль, смотрели прямо. — Видите то, что другие даже не замечают.

— Работа такая, — я пожала плечами, чувствуя, как щёки заливают румянец. — Бариста должен клиента чувствовать.

— Нет, — он покачал головой, и прядь волос упала на лоб. — Это не работа. Это ваша суть.

От этих слов внутри разлилось тепло, будто я сделала глоток горячего шоколада в морозный день.

— Расскажите о себе, — попросил он, отставляя пустую чашку. На дне осталась лишь размытая улыбка. — Кто вы, Вера из «Уголка», рисующая смешные рожицы и знающая секреты чая от мигрени?

Я сглотнула. Что можно рассказать человеку, который месяцами приходил за кофе, но только сегодня по-настоящему увидел меня?

— Я... — голос предательски дрогнул. — та, кто верит, что маленькие жесты иногда значат больше грандиозных поступков. Люблю запах дождя на асфальте и звук кофемашины. И да... иногда рисую дурацкие рожицы, потому что мир и так слишком серьёзен.

Он слушал, не перебивая, и в его взгляд было что-то новое — интерес, смешанный с удивлением, будто он обнаружил редкую книгу на пыльной полке.

— А ещё... — слова вырвались прежде, чем я успела их остановить, — когда задумываетесь, вы постукиваете пальцами. Три коротких, два длинных. Всегда один и тот же ритм.

Он замер, уставившись на свои пальцы, будто видел их впервые.

— Никто никогда... — его голос дрогнул, и он замолчал, будто слова застряли в горле. — Это мелодия из музыкальной шкатулки. Маминой.

Что-то изменилось между нами — будто невидимая стена дала трещину.

— Спасибо, — он сказал это так тихо, что я едва расслышала. Его пальцы на мгновение коснулись моих, и это прикосновение жгло как искра. — За чай. За рожицу. За разговор.

— Всегда пожалуйста, — я поднялась, чувствуя, как дрожат колени. — Завтра могу нарисовать котика. Или слона. Как пожелаете.

Он улыбнулся — не привычной вежливой улыбкой клиента, а по-настоящему. Морщинки у глаз разбежались лучиками, и я вдруг представила, каково это — прикоснуться к ним губами.

— Буду ждать, — его голос звучал низко и тепло.

Когда дверь закрылась за ним, я долго стояла у окна, прижав ладонь к холодному стеклу. Его силуэт растворился в снежной круговерти, но тепло его присутствия всё ещё витало в воздухе, смешиваясь с ароматом мяты и его едва уловимым одеколоном.

Третий столик справа всё ещё хранил отпечаток его ладони на поверхности. Я провела пальцами по тёплому дереву, словно пытаюсь запечатлеть этот момент в памяти.

В тот вечер, расставляя чашки, я вдруг осознала, что напеваю мелодию — три коротких, два длинных. Звуки срывались с губ сами собой, а пальцы отбивали ритм по столешнице. Этот ритм теперь принадлежал не только ему.

И каждый раз, когда звенел дверной колокольчик, сердце замирало в ожидании. Потому что теперь я знала — завтра он придёт снова. И послезавтра. И каждый раз между нами будет на одну тайну меньше, на одну искренность больше.

Глава 9. Алхимия кофейных зёрен

Последний посетитель ушёл, оставив на столике недопитый американо и смятую салфетку. Вечерняя тишина окутала кофейню, только холодильник гудел, нарушая безмолвие. Я протёрла стойку. Дерево заблестело в мягком свете ламп.

Кирилл сидел в углу, уткнувшись в ноутбук. Его пальцы стучали по клавиатуре, быстро, уверенно. Синий свет экрана делал его лицо каким-то нездешним.

— Закрываемся через пятнадцать минут, — сказала я, стараясь не спугнуть его сосредоточенность.

Кирилл поднял глаза, моргнул несколько раз, будто выныривая из другой реальности.

— Простите, Вера, я заработался. Сейчас соберусь.

— Можете не торопиться, — сердце дрогнуло, выдавая меня. — Мне ещё прибраться нужно.

Кирилл улыбнулся уголками губ, но глаза остались серьёзными.

— Спасибо. Мне совсем немного осталось.

Я кивнула и щёлкнула замком входной двери, перевернула табличку. Вечерний город мигал огнями за окном, спешащие прохожие превратились в размытые силуэты.

Тишина давила на уши. Я подошла к ноутбуку и включила музыку. Саксофон заполнил пространство, растекаясь по углам.

— Джаз? — Кирилл оторвался от экрана.

— Чет Бейкер, — я улыбнулась, доставая швабру. — Помогает думать.

— И мне помогает, — в голосе Кирилла промелькнуло удивление. — Обычно работаю под джаз или классику.

Пол пах лимоном. Я двигалась в такт музыке, чувствуя, как напряжение дня уходит с каждым движением. Заметила, что Кирилл наблюдает за мной — его взгляд обжёг спину.

— Любите свою работу? — спросила, не останавливаясь.

Он помолчал, словно подбирая слова.

— Дизайн интерьеров — это создание новых миров. Каждый проект — отдельная история. Пустое пространство становится местом, где кто-то будет жить, любить...

Его голос звучал глубже, чем обычно. Я закончила с полом, вылила грязную воду. Запахи кофе, выпечки и лимона смешались, создавая особую атмосферу.

— Звучит как волшебство, — я протёрла руки полотенцем. — А как вы пришли к этому?

Кирилл закрыл ноутбук. Экран погас, и его лицо вернуло обычные очертания, теплее и живее.

— Случайно. Изначально учился на архитектора, но понял, что больше люблю работать с деталями, с тем, что внутри. Не строить коробки, а наполнять их жизнью.

Саксофон перешёл на медленную, тягучую мелодию. Снег с дождём застучал по крыше, сначала робко, потом всё настойчивее, словно просился внутрь.

— Хотите кофе? — спросила, сама удивляясь своей смелости.

— С удовольствием, — в его голосе мелькнула нотка, которую я раньше не слышала.

Мои руки привычно колдовали над кофемашиной. Молотый кофе пах свежестью и горечью, наполняя пространство между нами. Молоко шипело под струёй пара, превращаясь в шелковистую пену.

— Американо, правильно? — уточнила, хотя прекрасно помнила его предыдущие заказы.

— У вас отличная память, — Кирилл подошёл к стойке, облокотился. Рукава рубашки были закатаны, обнажая запястья с тонкими венами. Я заметила маленький шрам на левой руке.

— Профессиональная привычка, — поставила перед ним чашку, себе налила эспрессо.
— Запоминать людей и их предпочтения.

Кирилл сделал глоток, прикрыв на мгновение глаза.

— А вы? Всегда мечтали работать в кофейне?

Я усмехнулась, покачала головой.

— Мечтала о собственной кондитерской. Маленькой, уютной. С витринами, полными пирожных, которые сама бы придумывала. Я даже их иногда рисую, — последние слова вырвались сами собой.

— И что мешает воплотить мечту? — его взгляд стал острее.

Я пожала плечами, чувствуя, как сжимается что-то внутри.

— Деньги. Страх. Неуверенность. Выбирайте любое.

Кирилл внимательно посмотрел, словно впервые увидел меня — не бариста, а человека с мечтой.

— Покажите свои творения? — в его голосе не было праздного любопытства, только искренний интерес.

Я замешкалась. Никому не показывала эскизы десертов, которые рисовала по вечерам, когда тишина квартиры становилась невыносимой.

— Они в подсобке... в альбоме.

— Можно взглянуть?

Сердце застучало быстрее, отдаваясь в висках. Я принесла потрёпанный альбом в кожаной обложке. Положила на стойку, не решаясь открыть, как будто внутри хранились не рисунки, а кусочки моей души.

Кирилл сам перевернул обложку. Его пальцы — длинные, с аккуратными ногтями — осторожно перелистывали страницы. Взгляд — внимательный, цепкий — изучал каждый рисунок. Я затаила дыхание.

— Это... впечатляет, — произнёс он наконец. — У вас есть стиль. И особое видение.

Щёки вспыхнули от неожиданной похвалы.

— Это просто наброски, — пробормотала я, опустив глаза.

— Не скромничайте, — Кирилл задержался на эскизе многоярусного торта с необычным декором. Его пальцы едва касались бумаги, словно боялись спугнуть нарисованное чудо. — Это можно воплотить?

— Теоретически да. Практически — нужна специальная форма и оборудование.

— Которого у вас нет.

— Которого у меня нет, — эхом повторила я, чувствуя горечь в голосе.

Чет Бейкер уступил место Майлзу Дэвису. Мелодия стала глубже, насыщеннее, обволакивая пустую кофейню.

— Знаете, — Кирилл отпил кофе, — в дизайне есть понятие «пустое пространство». Место, которое намеренно оставляют незаполненным, чтобы всё остальное дышало.

— И к чему вы это говорите? — я подняла взгляд.

— К тому, что иногда нужно оставить пространство для мечты. Не заполнять жизнь компромиссами.

Его слова кольнули что-то глубоко внутри. Я отвернулась, делая вид, что протираю кофемашину, хотя она и так сияла чистотой.

— Легко говорить, когда есть выбор, — мои пальцы сжали тряпку сильнее, чем нужно.

— Выбор есть всегда, — Кирилл подошёл ближе. Запах его одеколона — древесный, с нотками цитруса — окутал меня, смешиваясь с ароматом свежесмолотого кофе. — Просто не всегда мы его видим.

Я обернулась и замерла. Лицо Кирилла оказалось неожиданно близко. В его глазах отражались тёплые огоньки ламп, а в глубине зрачков — что-то ещё, чему я не решалась дать название.

— А вы всегда делаете правильный выбор? — спросила тихо, почти шёпотом.

— Нет, — он покачал головой. — Но я пытаюсь.

Молчание повисло между нами. Не неловкое, а звенящее, наполненное чем-то невысказанным. Я слышала его дыхание, ровное и спокойное, в отличие от моего.

— Расскажите о своём любимом проекте, — попросила, нарушая тишину, чтобы скрыть внезапную дрожь в руках.

Кирилл улыбнулся — на этот раз по-настоящему, всем лицом, морщинки собрались в уголках глаз.

— Это была квартира для пожилой пары. Они прожили вместе пятьдесят лет и хотели место, где каждая деталь напоминала бы об их истории.

— И что вы сделали? — я невольно подалась вперёд.

— Создал стены из воспоминаний. Буквально. Встроил в интерьер их старые фотографии, письма, билеты с концертов. Каждый уголок рассказывал часть их истории.

Его глаза загорелись, когда он говорил об этом. Я поймала себя на мысли, что хочу увидеть эту квартиру.

— Звучит волшебно, — прошептала, представляя эту квартиру.

— Когда они впервые вошли в готовое пространство, женщина заплакала, — продолжил Кирилл, и его голос стал мягче. — Сказала, что теперь может умереть спокойно, потому что их любовь останется жить в этих стенах.

Под рёбрами заныло, будто кто-то вставил в грудную клетку витринное стекло из моих эскизов — красивое, холодное, хрупкое. Я отвела взгляд, боясь, что он увидит в моих глазах непрошеную влагу.

— А у вас есть такое место? Где живут ваши воспоминания? — спросила, перебирая пальцами край фартука.

Кирилл помолчал. В тишине отчётливо слышалось, как снегопад за окном постепенно стихает.

— Нет, — ответил он наконец. — Моя квартира функциональна. Красива. Но в ней нет истории.

— Почему?

— Потому что историю нельзя создать в одиночку, — ответил просто, и эти слова повисли между нами, тяжёлые и значимые.

Ветер за окном уже не завывал так яростно. Время, казалось, замедлилось, а потом вдруг рвануло вперёд.

— Мне пора, — Кирилл взглянул на часы. Его длинные пальцы скользнули по циферблату. — Спасибо за кофе. И за компанию.

— Вам спасибо, — я закрыла альбом, прижала к груди как щит. — За... оценку моих работ.

Кирилл собрал вещи, застегнул сумку для ноутбука. Каждое его движение казалось значимым, словно я смотрела фильм в замедленной съёмке. У двери он обернулся, и наши взгляды встретились через пустоту кофейни.

— Знаете, Вера, иногда нужно просто сделать первый шаг. Остальное приложится.

— К чему вы это говорите? — сердце застучало быстрее.

— К вашей кондитерской, — улыбнулся. — Подумайте об этом.

Когда дверь за ним закрылась, я прижалась лбом к прохладному стеклу. Силуэт Кирилла растворился в сумерках, но ощущение его присутствия осталось — как запах дорогого одеко-

лона, как привкус несказанных слов на губах, как тепло от случайного соприкосновения пальцев.

Майлз Дэвис закончил композицию. Наступила тишина, звенящая и полная.

Я открыла альбом на последней странице. Пустой лист смотрел на меня белизной нетронутого снега, вызывающе и обещающе. Пальцы сами потянулись к карандашу. Я начала рисовать — новый эскиз, новую мечту. Но почему-то вместо многоярусного торта на бумаге проступали очертания мужского лица с внимательными глазами и едва заметной улыбкой в уголках губ.

И впервые за долгое время я не стала стирать то, что нарисовала.

Глава 10. Полка, осколки и почти поцелуй

Грохот разорвал тишину кофейни, словно выстрел. Я вздрогнула всем телом, блокнот выскользнул из пальцев, а сердце подпрыгнуло к горлу. Деревянная полка — та самая, что давно угрожала своим видом — рухнула, превратив фарфоровые чашки в белоснежное крошево на полу.

— Чёрт! — выдохнула я, прижав ладонь к груди, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Осколки хрустели под ногами, когда я подошла ближе. Ржавые шурупы, наконец, сдались, устав держать тяжесть нашей посуды. Запах кофе смешался с пылью.

— Вера, что за шум? — Маша выглянула из кухни, вытирая влажные руки о фартук. Её глаза расширились при виде разгрома.

— Полка не выдержала, — я обвела рукой осколки. — Половина чашек превратилась в воспоминания.

— Я же предупреждала эту скупердяйку, — Маша поджала губы. — Крепления дышали на ладан ещё с осени.

Я присела на корточки, оценивая потери. Шесть чашек разлетелись вдребезги, ещё две с отколотыми краями — как раненые солдаты, непригодные к службе. Десяток уцелевших для капучино — капля в море дневного потока кофеманов.

Телефон Маргариты Викторовны ответил после первого гудка.

— Что стряслось, Вера? — её голос звучал раздражённо, будто я прервала что-то важное.

— Полка рухнула. Восемь чашек разбились, — отчеканила я, глядя на белые осколки, похожие на разбитые мечты.

— Твою мать! — выругалась она с чувством. — Я же только недавно раскошелилась на новый комплект.

— Крепления проржавели насквозь, — мой голос звучал тише, но твёрже. — Как я и говорила в прошлом месяце.

— Ладно, — она вздохнула так тяжело, словно я просила у неё почку. — Закажу новые чашки. А с полкой... Я в отъезде, ремонтника пока прислать не могу.

— И куда нам ставить посуду? — мои пальцы сжались на телефоне.

— Придумай что-нибудь, Вера, — её голос стал медовым. — Ты же у нас сообразительная.

Звонок оборвался, оставив меня наедине с её фальшивым комплиментом. Типично — выкручивайся сама, а деньги я буду экономить.

Колокольчик над дверью звякнул, и я обернулась с дежурной улыбкой, которая тут же застыла. Кирилл.

Его тёмные волосы, припорошенные снежинками, его глаза цвета зимнего неба, его чёртова кожаная сумка через плечо — всё, как всегда.

— Добрый день, — его голос, низкий и бархатный, прокатился по моему позвоночнику, как тёплая волна. — Опять что-то разрушили, Вера?

Я кивнула на осколки, пытаясь унять дрожь в пальцах:

— Небольшой апокалипсис местного масштаба.

Кирилл шагнул ближе, и воздух между нами мгновенно сгустился. Запах его одеколона окутал меня, вызывая непрощённые воспоминания. Он поднял один из выдернутых шурупов, покрутил в пальцах. Его рука оказалась так близко к моей, что я почувствовала тепло его кожи.

— Крепления полностью проржавели. Давно пора было заменить, — хмыкнул он, и в уголках глаз собрались морщинки.

— Хозяйка в отъезде, — я скрестила руки на груди, создавая барьер между нами. — Сказала выкручиваться самим.

Его взгляд скользнул по моему лицу, задержавшись на губах дольше, чем требовалось для простого разговора.

— И куда вы теперь будете ставить свои... чашечки? — в его голосе промелькнула интонация, от которой по коже побежали мурашки.

Он снял пальто одним плавным движением. Рубашка натянулась на широких плечах, обрисовывая контуры мышц. Я слотнула, пытаюсь не пялиться.

— У вас есть что-нибудь... подходящее? — спросил он, и я чуть не подавилась воздухом от двусмысленности вопроса.

— Что именно вы имеете в виду? — мой голос предательски дрогнул.

— Инструменты, Вера, — его улыбка стала шире. — Отвёртка, шуруповёрт... Что-нибудь из этого.

Жар разлился по шее, поднимаясь к щекам.

— В подсобке должен быть ящик с инструментами, — пробормотала я. — Но зачем...

Кирилл закатал рукава рубашки медленно, почти демонстративно. Его предплечья — жилистые, с проступающими венами — заставили меня на секунду забыть, как дышать.

— Я мог бы... помочь вам с этой проблемой, — его голос стал ниже. — Это несложно.

— Но вы же пришли выпить кофе, а не... работать, — возразила я, чувствуя, как пересыхает во рту.

— Я умею делать несколько вещей одновременно, — он наклонился ближе, и я уловила запах мятной жвачки. — И получать от этого удовольствие.

Сердце застучало где-то в горле.

Через пять минут Кирилл уже стоял на стремянке, демонтируя остатки старой полки. Его движения — точные, уверенные — завораживали. Я наблюдала украдкой, делая вид, что занята работой. Когда он потянулся вверх, футболка задралась, обнажив полоску загорелой кожи и дорожку тёмных волос, уходящую за пояс джинсов. Я резко отвернулась, расплескав молоко.

— Чёрт, — прошипела, хватая тряпку.

— Всё в порядке? — его голос прозвучал прямо над ухом, заставив вздрогнуть. Когда он успел спуститься?

— Да, просто... неловкие пальцы, — пробормотала я, промокнув лужицу.

— У вас прекрасные пальцы, — он взял мою руку, якобы помогая с тряпкой. — Длинные, изящные. Созданы для... тонкой работы.

Его большой палец скользнул по моему запястью, где бешено бился пульс. Я отдернула руку, словно обожглась.

— Крепления никуда не годятся, — сказал он, возвращаясь к деловому тону, но глаза выдавали его — в них плясали чертенята. — Нужны новые. И желательно покрепче тех, что у вас есть.

— В хозяйственном за углом должны быть, — я отступила на шаг, создавая безопасное расстояние.

— Я схожу, — кивнул он. — А вы пока приготовьте мне американо. Покрепче. Люблю, когда... бодрит.

Не успела я ответить, как он уже накинул пальто и вышел, оставив после себя шлейф запаха и моё сбившееся дыхание. Я прислонилась к стойке, пытаюсь собрать мысли в кучу. Что происходит?

Когда колокольчик снова звякнул, я уже держала себя в руках. Кирилл стряхнул снежинки с волос — они таяли, превращаясь в капли, скатывающиеся по вискам.

— Нашёл отличные крепления, — сказал он, доставая из пакета металлические детали. — Эти точно прослужат дольше.

— Сколько мы вам должны? — я потянулась к кассе, избегая его взгляда.

Кирилл перехватил мою руку:

— Считайте это моим вкладом в вашу уютную атмосферу.

Его пальцы задержались на моём запястье чуть дольше необходимого, посылая электрические импульсы вверх по руке. Я высвободилась, делая вид, что мне нужно вытереть стойку.

Глава 11. Под напряжением

Он снова поднялся на стремянку, работая с полной сосредоточенностью. Мышцы на спине перекачивались под тонкой тканью рубашки, когда он вкручивал шурупы. Я поймала себя на том, что пялюсь, и отвела взгляд, только чтобы встретиться глазами с ухмыляющейся Машей, которая показала мне большой палец из кухонной двери.

— Вы часто занимаетесь ремонтом? — спросила я, чтобы нарушить неловкое молчание.

Кирилл вкрутил последний шуруп, его плечи напряглись.

— Приходится, — он бросил на меня короткий взгляд через плечо. — В дизайне интерьеров нужно чувствовать каждую деталь. От фундамента до последнего гвоздя.

Я невольно залюбовалась его руками — сильными, с длинными пальцами, покрытыми едва заметными мозолями.

— Наверное, это вам помогает в работе? — мой голос предательски дрогнул.

— Ещё как, — Кирилл спрыгнул со стремянки одним плавным движением. Капля пота скатилась по его виску, очертив линию скулы. — Нельзя создать что-то прекрасное, не понимая, как оно устроено изнутри.

Его взгляд скользнул по мне — медленно, оценивающе, словно я была пространством, которое он хотел преобразить. Жар разлился по телу, собираясь тугим узлом внизу живота.

Полка выглядела безупречно. Он не просто починил её — он преобразил, отшлифовал края, убрав все неровности, покрыв дерево каким-то составом, от которого оно заблестело, словно только что из мастерской краснодеревщика.

— Готово, — Кирилл вытер руки тряпкой, и я невольно проследила, как ткань скользит между его пальцами. — Теперь можно ставить на неё... всё, что захотите.

В его голосе промелькнула хрипотца, от которой по спине пробежали мурашки.

— Спасибо, — выдохнула я, чувствуя, как пересыхает во рту. — Вы очень нас выручили.

Наши взгляды пересеклись, и на мгновение мне показалось, что воздух между нами сгустился до такой степени, что его можно потрогать. В его глазах плескалось что-то тёмное, опасное — не просто интерес постоянного клиента.

— Ваш американо, — я протянула стаканчик, стараясь, чтобы рука не дрожала. — За счёт заведения.

— Благодарю, — его пальцы намеренно скользнули по моим, задержавшись дольше необходимого. Кожа словно вспыхнула от этого прикосновения, и я едва сдержала рваный вздох.

Кирилл не спешил отстраняться. Его близость обволакивала, как тёплый кокон, заставляя сердце колотиться где-то в горле.

— Знаете, — сказал он, собирая инструменты с неторопливой грацией хищника, — иногда самые простые детали меняют всё пространство. Полка, картина, ваза с цветами...

— Или человек, — слова вырвались, прежде чем я успела их обдумать.

Кирилл замер. Его взгляд потемнел, став почти чёрным.

— Особенно человек, — произнёс он так тихо, что мне пришлось податься вперёд, чтобы расслышать. От этого движения мы оказались опасно близко друг к другу — так, что я чувствовала тепло его тела, запах его кожи, смешанный с ароматом дерева и металла.

Время растянулось как карамель. Я видела, как пульсирует венка на его шее, как расширяются зрачки, поглощая радужку. Его дыхание — тяжёлое, неровное — касалось моих губ, и я невольно облизнула их, ощущая фантомный вкус его поцелуев.

— Мне пора на встречу с клиентом, — хрипло произнёс он, не отрывая взгляда от моих губ. — Увидимся завтра?

В его вопросе звучало обещание, от которого внутри всё сжалось в сладком предвкушении.

— Буду ждать, — ответила я и тут же залилась краской, осознав двусмысленность своих слов. — В смысле, кофейня будет открыта, как обычно.

Уголки его губ дрогнули в улыбке, которая говорила яснее слов: он всё понял правильно.

— До завтра, Вера, — моё имя в его устах прозвучало как ласка, интимная и обещающая.

Когда дверь за ним закрылась, я прислонилась к стойке, чувствуя, как дрожат колени. Сердце колотилось как бешеное, а в голове крутился водоворот мыслей. Что это было?

— Ого-го, — Маша вынырнула из кухни с подносом свежей выпечки, от которой поднимался ароматный пар. Её глаза блестели от любопытства. — Кто это так профессионально управляется с... инструментами?

Я бросила на неё предупреждающий взгляд, но щёки предательски горели.

— Просто клиент, — соврала я, зная, что Маша не поверит ни единому слову.

— Симпатичный постоянный клиент, — фыркнула Маша, расставляя булочки в витрине.

— И, кажется, равнодушный к нашему бариста.

— Не выдумывай, — я отмахнулась, но щёки вспыхнули предательским румянцем. Пальцы всё ещё хранили тепло его прикосновения.

— Ага, — Маша оперлась о стойку, наблюдая за моим смятением с хищным интересом.

— А я тогда королева Англии. Он пожирал тебя глазами, Вер. Так смотрят не на «просто бариста», а на женщину, с которой хотят проснуться завтра утром.

— Маша! — я чуть не выронила чашку, которую протирала.

— Что? — она невинно хлопнула ресницами. — Я констатирую факты. Этот твой... «клиент» держал в руках не только отвёртку, но и твоё внимание. Крепко держал, между прочим.

Я закусила губу, пытаясь скрыть улыбку.

День тянулся, как карамельная нить — сладкий, вязкий. Руки работали на автомате: взбивали молоко, отмеряли кофе, выкладывали корицей узоры на капучино. А мысли... мысли были далеко. Вернее, не далеко, а в нескольких часах вперёд. В завтрашнем дне.

— Ты сегодня какая-то... наэлектризованная, — заметила Маша.

— Глупости, — я протёрла последний столик, вдыхая запах лимонного средства. — Просто хороший день.

— Ага, — она хмыкнула, завязывая мусорный пакет. — И этот «хороший день» имеет рост метр восемьдесят, плечи как у пловца и руки с красивыми пальцами.

Я швырнула в неё полотенцем, но промахнулась.

Когда Маша ушла, я осталась одна. Медленно обошла кофейню, проверяя замки, выключая приборы. Остановилась у полки. Провела пальцами по гладкой поверхности, ощущая каждую линию дерева. Представила, как его руки касались этих же мест. Сильные руки с длинными пальцами и едва заметными мозолями.

Тело отозвалось мгновенно — внизу живота разлилось тепло, дыхание сбилось. Я отдёрнула руку, словно обожглась. Что со мной происходит?

Выключив свет, я заперла дверь и вышла в зимний вечер. Мороз тут же обжёт щёки, забрался под воротник. Снег хрустел под ботинками, словно рассыпанный сахар.

Я глубоко вдохнула морозный воздух, пытаясь остудить разгорячённое воображение. Не помогло.

Завтра. Он придёт завтра.

И от этой мысли внутри всё сжималось в сладком, почти болезненном предвкушении.

Глава 12. Сдвигая границы

День тянулся медленно. Я протирала стойку, поглядывая на дверь. Заваривала кофе, прислушиваясь к колокольчику. Каждый раз вздрагивала, когда он звенел, и каждый раз разочарованно выдыхала, когда входил не тот человек.

Маша поймала мой взгляд, подмигнула:

— Кто-то сегодня нервничает. Ждёшь своего красавчика?

— Вовсе нет, — я отвернулась к кофемашине, чувствуя, как предательский жар заливает шею и щёки.

Часы показывали три тридцать, когда знакомый звон колокольчика заставил моё сердце подпрыгнуть к горлу. Я обернулась слишком резко, чуть не опрокинув стакан с молоком.

Кирилл стоял на пороге, стряхивая снег с тёмно-синего пальто. Снежинки таяли в его тёмных волосах, превращаясь в хрустальные капли. Сегодня без сумки, только блокнот в руке. Волосы слегка растрёпаны ветром, на щеках лёгкий морозный румянец, подчёркивающий чёткую линию скул.

— Добрый день, — улыбнулся он, подходя к стойке. Его глаза, цвета грозового неба, встретились с моими.

— Добрый, — ответила я, чувствуя, как пересыхает горло. Пальцы нервно сжали полотенце. — Вам как обычно?

— Сегодня хочется чего-то нового, — Кирилл снял пальто, повесил на вешалку. Рубашка обтягивала его плечи, подчёркивая крепкую фигуру. — Удивите меня, Вера.

Моё имя в его устах звучало как-то особенно. Я замерла на мгновение. Удивить? Кофейная карта мелькнула перед глазами, но внутренний голос шептал: «Покажи ему что-то своё, настоящее».

— Есть один рецепт... Не в меню. Мой авторский, — слова вырвались сами собой.

— Звучит интригующе, — Кирилл облокотился о стойку, наблюдая за моими движениями. Его близость заставляла кончики пальцев покалывать от волнения. — Люблю сюрпризы. Особенно от таких талантливых девушек.

Я работала сосредоточенно, стараясь не выдать волнения. Эспрессо, щепотка корицы, капля апельсинового сиропа, взбитые сливки с кардамоном. Чувствовала его взгляд на своих руках, на изгибе шеи. Внутри всё сжималось от этого внимания.

— Вы всегда так сосредоточены, когда работаете? — спросил он тихо. — словно весь мир перестаёт существовать.

— Кофе не терпит небрежности, — ответила я, не поднимая глаз. — Как и многое другое в жизни.

Завершающий штрих — тонкая полоска апельсиновой цедры, которую я аккуратно выложила поверх сливок.

— Прошу, — поставила чашку перед Кириллом. Наши пальцы на мгновение соприкоснулись, и по коже пробежала электрическая волна. — «Зимний сон».

Кирилл принял чашку, вдохнул аромат, прикрыв глаза. Его ресницы отбрасывали тени на скулы. Он сделал глоток, задержал во рту, словно дегустируя вино. Я невольно залюбовалась движением его горла, когда он глотал.

— Потрясающе, — произнёс он наконец, открывая глаза и глядя прямо на меня. — Корица и... апельсин?

— И кардамон, — кивнула я, довольная его реакцией. — Нравится?

— Очень, — Кирилл сделал ещё глоток, не отрывая от меня взгляда. — Вы настоящий художник, Вера. Только вместо красок — вкусы и ароматы. Интересно, так же ли вы... страстны в других своих увлечениях?

Его слова, с едва уловимым подтекстом, отзывались жаром внутри. Я отвела взгляд, смущённая комплиментом и собственными мыслями.

— Как полка? — спросил Кирилл, кивнув в сторону стены. — Держится?

— Намертво, — улыбнулась я, вспоминая, как вчера он закатал рукава и чинил её. Его сильные руки, уверенные движения... — Маргарита Викторовна звонила утром, не могла поверить, что всё починили без неё.

— Я мастер находить подход к... сложным вещам, — он улыбнулся уголком губ. — Могу ещё что-нибудь починить, если нужно.

Сердце пропустило удар. Я сделала вид, что протираю и без того чистую стойку.

— Кстати, о пространстве, — Кирилл открыл блокнот, положил на стойку. Наклонился ближе, и я уловила его запах — свежесть цитрусовых нот и тепло амбры. — Я вчера кое-что тут набросал.

Я склонилась над блокнотом. На странице — схематичный план кофейни, только... иначе. Столики расставлены по-новому, барная стойка развёрнута, у окна появилась небольшая зона с креслами. Мы стояли так близко, что я чувствовала тепло его тела, слышала его дыхание.

— Просто идея, — Кирилл провёл пальцем по бумаге, и я невольно проследила за его движением. — Заметил, как пространство буквально задыхается. Здесь, — он указал на угол у входа, и его рука на мгновение замерла в воздухе, — слишком тесно. А тут, — палец скользнул к окну, оставляя за собой невидимый след, по которому пробежали мурашки по моей коже, — пустует место, созданное для солнечного света и... уединения.

Я склонилась ниже, чувствуя его дыхание на своей щеке. От Кирилла пахло кофе, который я для него приготовила, и чем-то терпким, мужским. Его набросок дышал свободой — пространство текло, изгибалось, манило.

— Выглядит потрясающе, но Маргарита Викторовна... — начала я, не договорив, потому что Кирилл неожиданно коснулся моего запястья.

— Не нужно ничего ломать, — его голос стал глубже, интимнее. — Просто... передвинуть. Иногда достаточно лишь сдвинуть что-то с привычного места, чтобы открыть новые... возможности.

Его взгляд задержался на моих губах, и я невольно облизнула их.

— И вы предлагаете...

— Помочь вам, — он улыбнулся, и в уголках его глаз собрались морщинки, от которых у меня перехватило дыхание. — После закрытия. Когда никого не будет.

«Если Маргарита Викторовна узнает, что я пускаю посторонних после закрытия...» — мелькнуло в голове, но стоило ему улыбнуться, я обо всём забыла.

Оставшись наедине с его предложением, я почувствовала, как внутри разливается тепло. Мысль о том, что мы вдвоём будем двигать мебель в пустой кофейне, казалась одновременно невинной и... опасной.

— Хорошо, — выдохнула я, и это короткое слово прозвучало как обещание чего-то большего. — Сегодня в восемь, после закрытия.

Кирилл кивнул, и его улыбка стала шире, обнажая белые зубы. Он допил свой кофе одним глотком и, наклонившись к моему уху, прошептал:

— Не могу дождаться.

Я ощутила, как моё тело отозвалось на его голос. Когда за ним закрылась дверь, прислонилась к стойке, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. Восемь часов. Всего несколько часов — и мы останемся одни в этой кофейне. Без посторонних глаз. Без колокольчика над дверью.

Я закрыла глаза, представляя, как его руки скользят не по мебели, а по моей талии, как его голос звучит уже не в ухо, а прямо у губ...

— Вера, ты в порядке? — вопрос Маши вернул меня в реальность.

— Конечно, — я резко выпрямилась, чувствуя, как жар разливается по щекам. — Просто... жарко сегодня.

Глава 13. Правила перестановки

Где-то под рёбрами забилась пойманная в силки птица — глупо, опасно, но невозможно остановить. Вечер наедине с Кириллом в полутёмной кофейне, где каждое движение, каждый взгляд наполнен невысказанным...

— Хозяйка вернётся только через неделю, — произнесла я, чувствуя, как пульс отдаётся в висках. — Если ей не понравится то, что мы... сделаем, всегда можно вернуться к исходной позиции.

— К исходной позиции, — эхом отозвался Кирилл, и в его словах мне послышался двойной смысл. — Но, знаете, иногда новая позиция оказывается настолько... удобной, что возвращаться уже не хочется.

Он допил кофе одним глотком, не отрывая от меня взгляда поверх чашки. Капля напитка осталась в уголке его рта, и я поймала себя на желании стереть её большим пальцем.

— Так что, согласны на эксперимент? — спросил он, и это слово прозвучало как обещание.

Его глаза потемнели, став почти грозowymi. В них плясали искры азарта и чего-то ещё, от чего внизу живота разливалось тепло.

— Согласна, — выдохнула я. — Мы закрываемся в восемь.

Время растянулось, как карамель на жаре. Каждая минута тянулась бесконечно, превращаясь в вязкую патоку ожидания. Я роняла ложки, путала заказы, дважды обожгла пальцы о кофемашину. Тело жило своей жизнью — напряжённое, чуткое, готовое к чему-то неизбежному.

Маша перехватила меня у кладовки, прижала к стене игривым движением:

— Что с тобой сегодня? Дёргаешься, как будто внутри электрический ток.

— Ничего, — я попыталась проскользнуть мимо, но Маша преградила путь.

— Ничего? — она усмехнулась. — А почему тогда уже третий раз протираешь один и тот же столик?

Я инстинктивно прижала руки к щекам, чувствуя, как их заливают жар.

— У меня просто... планы на вечер.

— Планы? — Маша прищурилась, как сытая кошка. — С тем самым мастером по полкам?

— Откуда ты...

— Милая, — она положила руку мне на плечо, — когда женщина хочет мужчину, это видно за километр. У тебя сейчас такой вид, словно ты уже мысленно раздеваешься.

— Мы просто собираемся переставить мебель, — пробормотала я, но даже в собственных ушах это прозвучало неубедительно. — Он дизайнер, у него есть идеи по... улучшению.

— О, я уверена, у него много идей, — Маша подмигнула. — Особенно насчёт того, как улучшить твоё... пространство.

— Маша!

— Что? — она невинно хлопнула ресницами. — Я про кофейню. А ты о чём подумала?

Последний посетитель ушёл в семь пятьдесят. Я перевернула табличку на двери, и металлический щелчок замка прозвучал как начало чего-то запретного. Сердце колотилось о рёбра, словно птица в клетке. Часы на стене отсчитывали последние минуты до его прихода, и каждая секунда отдавалась пульсацией в висках.

Оставшись одна, я нервно оглядела зал. Протирая столики, я представляла, как его руки будут касаться мебели, как мышцы будут перекачиваться под рубашкой, когда он станет двигать диваны. Как мы случайно столкнёмся в полумраке...

Достала из сумочки блеск для губ — вишнёвый, с лёгким мерцанием. Провела по губам, ощущая сладковатый привкус. В зеркальце отразились расширенные зрачки и румянец, которого не скрыть никакой косметикой.

«Это просто перестановка мебели», — убеждала себя.

Колокольчик звякнул ровно в восемь, и я вздрогнула, выронив тряпку. Обернулась — дыхание застряло в горле.

Он переоделся. Тёмные джинсы обтягивали бёдра, а простая футболка с коротким рукавом лишь подчёркивала рельеф плеч. В полумраке кофейни его глаза казались почти чёрными.

— Опоздал? — Голос низкий, с лёгкой хрипотцой.

— Нет, — ответила я, но слово вышло слишком тихим. Пришлось прочистить горло. — Вы... то есть вы как раз вовремя.

Он медленно прошёлся вдоль столиков, пальцы скользнули по спинке стула, будто проверяя прочность.

— Готовы к перестановке? — спросил он.

Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

— Немного волнуюсь, — призналась, запирая дверь. Металл ключа обжёг ладонь. — Никогда не делала ничего подобного. Если хозяйка узнает...

— Она не узнает. — Он сделал шаг ближе. Запах его одеколона — древесный, с нотками кожи — ударил в голову. — Разве что... сама догадается.

— О чём? — Я знала ответ. Но хотела, чтобы он сказал это вслух.

Его губы дрогнули в улыбке.

— О том, что диван стоит не там, где был. — Кирилл подошёл ближе — слишком близко для делового разговора. Его дыхание коснулось моей щеки, когда он наклонился и произнёс:

— Иногда проще просить прощения, чем разрешения, — в его глазах плясали чёртики. — Особенно когда результат говорит сам за себя.

Он коснулся моего локтя — мимолётно, будто случайно, но от этого прикосновения по коже побежали мурашки.

— И какой результат вы обещаете? — мой голос прозвучал хрипло, выдавая волнение.

— Такой, — он сделал паузу, облизнув нижнюю губу, — что вам захочется повторить.

Внутри всё сжалось от предвкушения. Кирилл закатал рукава рубашки, обнажая жилистые предплечья. Мышцы перекачивались под кожей, когда он подошёл к дивану и положил на него ладони.

— Начнём с мягких поверхностей? — спросил он, проводя ладонью по обивке.

— С чего же ещё, — ответила я, подходя ближе, чем требовалось.

Наши пальцы соприкоснулись на спинке дивана. Секунда — и он не отстранился, а наоборот, накрыл мою руку своей. Под кожей вспыхнули крошечные звёзды. Казалось, даже пыль в воздухе застыла, заворожённая трепетом между нашими ладонями.

— Знаете, Вера, — произнёс он, глядя мне прямо в глаза, — я давно заметил, что вы избегаете... тесных пространств.

— Правда? — дыхание перехватило.

— Да, — он наклонился ближе. — Всегда держите дистанцию. Даже сейчас хотите отступить, но... не можете.

Его большой палец невесомо погладил тыльную сторону моей ладони.

— Потому что не хочу, — вырвалось у меня.

Повисла пауза, наполненная электричеством. Кирилл улыбнулся — медленно, хищно.

— Тогда давайте... двигать.

Глава 14. Грани допустимого

Кирилл достал рулетку и блокнот, начал обмерять помещение. Движения чёткие, уверенные. Я замерла у стойки, не в силах оторвать взгляд от его рук — длинные пальцы с тонкими шрамами, похожими на следы бумажных порезов. Архитектор? Музыкант? Или просто мужчина, привыкший создавать что-то своими руками?

— Итак, — его голос вырвал меня из оцепенения, — начнём с простого. Эти столики к стене. Нужно освободить проход.

Я кивнула и подошла ближе. От него пахло морозным воздухом и чем-то древесным — сандал? Кедр? Вместе подняли первый столик, и его мизинец случайно скользнул по моему запястью. По коже пробежал электрический разряд, руки дрогнули.

— Осторожно, — Кирилл молниеносно перехватил падающий край. Его тело на мгновение прижалось к моему, и внутри что-то оборвалось. Чёрт, да что со мной? — Держите крепче, Вера.

— Простите, — пробормотала я, чувствуя, как щёки заливают предательский румянец.

Его глаза — тёмно-серые, как грозовое небо — встретились с моими. В них мелькнуло что-то... заинтересованное? Сердце пропустило удар.

Второй столик перенесли в напряжённом молчании. Каждый раз, когда наши руки соприкасались, между нами будто проскакивала искра.

— Теперь самое сложное, — он кивнул на массивную барную стойку. — Справитесь?

— Не сомневайтесь, — я усмехнулась, хотя внутри всё сжалось.

Стойка оказалась чертовски тяжёлой. Я упёрлась плечом в дерево, чувствуя, как напрягаются все мышцы. Кирилл встал так близко, что его дыхание щекотало мою шею, посылая мурашки вдоль позвоночника.

— На счёт три, — его голос стал ниже, жёстче. — Раз, два...

На «три» мы рванули одновременно. Стойка сдвинулась с противным скрипом, но мои туфли предательски скользнули по полированному полу. Я потеряла равновесие и рухнула прямо на него.

Его руки обхватили меня мгновенно — одна на талии, вторая прижала к груди. Сквозь тонкую ткань рубашки я чувствовала, как бешено колотится его сердце. Или это моё?

— Вы в порядке? — прошептал он, и от хрипотцы в его голосе внутри всё перевернулось.

Его губы оказались в сантиметре от моих. Вдох. Выдох. Время остановилось. Если я чуть приподнимусь...

— Абсолютно, — выдохнула я, не узнавая собственный голос. — Просто... эти туфли не для перестановки.

Мы застыли, словно в странном танце.

— Так и будем стоять? — прошептала я, чувствуя, как его пальцы впиваются в мои бока. Кирилл медленно, словно борясь с собой, разжал руки.

— Вам нужно быть осторожнее, — сказал он, и эта хрипотца... боже.

Я кивнула и отвернулась, пытаюсь скрыть пылающие щёки и унять дрожь в коленях. Мы продолжили работу в молчании, но воздух между нами почти искрил.

Стойку развернули, освобождая пространство у окна. Кирилл принёс из подсобки два старых кресла.

— Надо же, они ещё живы, — вырвалось у меня.

— Их нужно почистить, — его пальцы скользнули по пыльному подлокотнику, оставляя следы на дереве. Я невольно представила эти пальцы на своей коже. — Но форма шикарная, винтажная.

— Маргарита Викторовна притащила их с барахолки, — я отвернулась, надеясь, что он не заметит дрожи в руках. — А потом решила, что они слишком... старомодные.

— Она ошибалась, — Кирилл шагнул ко мне так близко, что я почувствовала тепло его тела. — Смотрите.

Я повернулась — и замерла. Кофейня преобразилась. Свет из окна падал на кресла, создавая тёплый островок в углу.

— Потрясающе, — выдохнула я. — Как будто совсем другое место.

— Иногда достаточно просто сдвинуть одну вещь, — его голос стал тише, — чтобы всё изменилось.

— Как вы это делаете? — я опустилась в кресло, ощущая, как оно идеально принимает моё тело. — Видите то, что другие пропускают?

Кирилл сел напротив. В полумраке его глаза казались почти чёрными, а тени подчёркивали скулы.

— Это как... — он задумался, барабанил пальцами по подлокотнику. — Как слышать музыку там, где другие слышат шум. Я вижу пространство как единое целое, где каждый предмет связан с другими.

— И давно вы этим занимаетесь? — спросила я, подтягивая ноги под себя. Туфли я уже скинула — к чёрту условности.

— С детства, наверное, — он усмехнулся, и ямочка на его щеке заставила моё сердце сделать кульбит. — Вечно переставлял мебель в своей комнате, чем доводил маму до белого каления. В университете изучал архитектуру, потом специализировался на интерьерах.

Я рассмеялась, представив маленького Кирилла, толкающего шкаф через всю комнату.

— В университете изучал архитектуру, — продолжил он, откинувшись в кресле. — Потом понял, что интерьеры — моя страсть.

— Создавать миры внутри миров, — кивнула я.

— Именно, — его взгляд стал внимательнее. — А вы? Всегда мечтали варить кофе?

— Боже, нет, — фыркнула я. — Я хотела стать врачом. Даже поступила в медицинский.

— Что случилось? — в его голосе не было праздного любопытства, только искренний интерес.

— Жизнь, — пожала плечами. — На третьем курсе заболел отец. Пришлось взять академический отпуск, чтобы ухаживать за ним. А потом... — голос дрогнул, — потом стало не до учёбы. Деньги нужны были срочно, на лечение. Но папа, к сожалению, не справился. Сначала думала — временно, а потом... затянуло.

— Почему именно медицина?

— Мне нравится... помогать, — я подбирала слова. — Видеть, как люди становятся лучше. Наверное, поэтому и кофе люблю делать — наблюдать, как первый глоток меняет человека. Как расправляются плечи, теплеют глаза.

Я не заметила, как по щеке скатилась предательская слеза. Кирилл молча протянул платок — простой, льняной, с вышитыми инициалами в уголке.

— Простите, — я смутилась, торопливо промокая глаза. — Не собиралась вываливать на вас свою биографию.

— Не извиняйтесь, — его голос звучал мягко, но уверенно. — Это часть вас. И... мне правда жаль, что так вышло с вашим отцом.

Я кивнула, благодарная за то, что он не стал говорить банальностей. Просто принял.

— А в медицину возвращаться не думали? — спросил он, когда тишина между нами стала почти осязаемой.

— Нет, — я покачала головой, наматывая на палец прядь волос. — Если честно, это была скорее мечта родителей. А вот кондитерское дело...

Я замолчала, но что-то в его взгляде заставило продолжить:

— Это моё. Настоящее. Но с каждым годом решиться всё сложнее. Рынок не стоит на месте, появляются новые техники, тренды. Боюсь, что придётся начинать всё с самого начала.

— Но мечта осталась? — он смотрел так внимательно, словно мой ответ действительно имел значение.

Я встретила его взгляд — ни капли осуждения или, ещё хуже, жалости. Только искренний интерес.

— Осталась, — призналась, чувствуя, как от этого простого слова становится легче дышать. — Просто не знаю, хватит ли смелости всё изменить.

Кирилл наклонился вперёд, и в его глазах я увидела что-то, от чего внутри всё перевернулось — решимость, смешанную с чем-то более опасным, более личным.

— А что, если я помогу вам найти эту смелость? — произнёс он тихо, и его слова повисли между нами, как обещание, от которого невозможно отказаться.

Глава 15. Кофейный соблазн

Его губы дрогнули в улыбке, а в уголках глаз собрались морщинки, делая его лицо удивительно открытым.

— Знаете, что я заметил за годы работы? — он подался вперёд, и запах его одеколона — что-то древесное с нотками цитруса — окутал меня. — Люди до смерти боятся перемен, даже если старое их убивает. Цепляются за привычное, как за спасательный круг. Но стоит сделать первый шаг, — он обвёл рукой преображённую кофейню, и я невольно проследила за его движением, — и мир не рушится. Наоборот, открываются двери, о существовании которых вы даже не подозревали.

Его слова отозвались где-то под рёбрами острой, почти болезненной правдой. Сколько раз я откладывала решение, придумывая всё новые оправдания?

— Может, вы правы, — сказала тихо, ощущая, как внутри что-то сдвигается, как те самые кресла, которые мы передвинули. — Может, пора перестать бояться.

Наши взгляды встретились, и время словно застыло. В полумраке кофейни, среди сдвинутой мебели и новых очертаний знакомого пространства, менялось что-то важное — не только вокруг, но и внутри меня.

Кирилл вдруг поднялся одним плавным движением и протянул руку:

— Идёмте, покажу кое-что.

Я вложила свою ладонь в его — тёплую, с мозолями на подушечках пальцев — и меня прошило электричеством от этого простого прикосновения. Он подвёл меня к окну, встал так близко, что я почувствовала тепло его тела.

— Видите вон то помещение напротив? — его дыхание обожгло кожу, и я едва не вздрогнула. Губы Кирилла находились так близко от моего уха, что каждое слово отзывалось низкой вибрацией где-то глубоко в животе.

Я кивнула, не доверяя своему голосу. Его пальцы слегка сжали мою руку — будто проверяя, не отдёргну ли я её. Но я не могла. Не хотела.

Всмотрелась в вечернюю улицу, где зажигались фонари. Небольшое помещение на первом этаже дома напротив, с широкими окнами и козырьком над входом.

— Там сдаётся площадь, — его дыхание коснулось моего виска, и по спине побежали мурашки. — Небольшая, но для кондитерской было бы идеально. Я делал дизайн-проект для соседнего магазина.

Сердце пропустило удар, а потом заколотилось как сумасшедшее.

— Откуда вы знаете? — я резко повернулась к нему, и мы оказались опасно близко. Так близко, что я видела золотистые крапинки в его карих глазах.

— Случайность, — пожал плечами Кирилл, но взгляд выдавал — ни черта это не случайность. — Владелец здания — мой давний клиент. Говорил, что ищет арендатора. Место проходное, с хорошим трафиком. Идеально для небольшой кондитерской.

Повернулась к нему, не веря своим ушам:

— Вы предлагаете...

— Ничего конкретного, — его улыбка была мягкой, но в глазах плясали черти. — Просто информация к размышлению. Иногда вселенная подбрасывает нам знаки. Нужно только быть готовым их увидеть.

Сердце колотилось как сумасшедшее. Я смотрела на его лицо, освещённое уличным фонарём — скулы, чётко очерченные губы, тень от ресниц на щеках — и чувствовала, как внутри разливается тепло. Не просто симпатия — благодарность за то, что он разглядел во мне не только девушку, которая варит кофе, а человека с мечтой.

— Спасибо, — выдохнула, и это слово вместило всё. — За перестановку. За разговор. За... возможность.

— Не за что, — его голос стал ниже, интимнее. — Иногда нам всем нужен кто-то, кто поможет увидеть то, что прямо перед глазами.

Мы стояли у окна, так близко, что я чувствовала тепло его тела. Его рука всё ещё держала мою, большой палец легко поглаживал запястье, посылая электрические разряды вверх по руке. Пульс зашкаливал, словно я пробежала марафон.

— Уже поздно, — произнёс Кирилл, но его пальцы только крепче сжали мою ладонь. — Вам нужно домой?

— Наверное, — ответила, не двигаясь с места. Потом набрала воздуха в лёгкие: — Хотя...

— Хотя? — его бровь изогнулась, а в глазах мелькнуло что-то тёмное, опасное.

— Можно ещё кофе, — слова вырвались сами собой. — В благодарность за помощь. И, может быть, я угощу вас своим фирменным десертом. У нас осталось немного выпечки.

Уголки его губ дрогнули:

— С удовольствием. Особенно если это будет ваш авторский рецепт.

Наши руки разомкнулись, и я сразу почувствовала холод. Направилась к кофемашине, ощущая его взгляд как физическое прикосновение. Руки слегка дрожали, когда я доставала чашки. Чёрт, Вера, соберись! Это просто кофе. Просто разговор. Просто...

Ничего простого.

Кофе и пирожное с карамельной начинкой — мой секретный рецепт, который я никогда не включала в меню кофейни — получились идеальными. Или это просто вечер был таким?

Мы сели в кресла у окна. Снег за стеклом превратился в настоящую метель, укрывая город белым покрывалом. Внутри кофейни было тепло и тихо, только потрескивали батареи да гудела кофемашинка. И это новое чувство, от которого покалывало кончики пальцев. Предвкушение? Надежда?

— Знаете, — сказал вдруг Кирилл, пробуя десерт, и его глаза расширились, — это действительно восхитительно. У вас настоящий талант.

— Спасибо, — я опустила глаза, чувствуя, как щёки заливают румянец. — Это рецепт моей бабушки, с небольшими изменениями.

— Я верю, что в жизни не бывает случайных встреч, — сказал он, наблюдая за снежинками, танцующими за окном. — Каждый человек появляется с определённой целью.

— И с какой целью появились вы? — мой голос дрогнул, в горле пересохло так, что пришлось сглотнуть.

Кирилл повернулся ко мне. В его глазах отражались огни фонаря — тёплые искры в тёмной глубине.

— Может быть, чтобы помочь вам переставить мебель, — уголки его губ приподнялись в улыбке, от которой в животе что-то сжалось. — А может, чтобы напомнить о мечте.

Я спрятала лицо за чашкой, делая глоток уже остывшего кофе. Пальцы предательски подрагивали.

— А я? — спросила, стараясь звучать непринуждённо. — Какова моя роль в вашей истории?

Он помолчал, барабанил пальцами по столу. Эти руки — сильные, с мозолями на ладонях — казались созданными для того, чтобы строить.

— Возможно, показать, что даже в самом обычном месте может скрываться что-то удивительное, — произнёс он наконец. — Как ваши десерты — простые ингредиенты, но вместе они создают нечто... особенное.

Последнее слово он произнёс так, что по коже побежали мурашки. Наши взгляды столкнулись над чашками, и время замерло. Я слышала, как бьётся моё сердце — громче, чем тиканье настенных часов.

— Я бы хотел увидеть вас снова, Вера, — его голос стал ниже, интимнее. — Не только как клиент кофейни.

Воздух между нами сгустился, стал почти осязаемым.

— Я бы тоже этого хотела, — слова вырвались прежде, чем я успела их обдумать.

Чёрт. Слишком прямо. Слишком откровенно. Но его улыбка — медленная, тягучая, как карамель — стояла этой минутной слабости.

Он протянул руку через столик. Секунду я смотрела на его раскрытую ладонь — приглашение, обещание, вызов. Потом вложила свои пальцы в его.

Ладонь была тёплой, шершавой, и когда наши пальцы переплелись, по телу прокатилась волна жара.

— Знаешь, — он наклонился ближе, — ты краснеешь каждый раз, когда я смотрю на тебя дольше трёх секунд.

— Неправда! — возмутилась я, чувствуя, как предательский жар заливает щёки.

— Вот как сейчас, — он рассмеялся, и морщинки в уголках глаз сделали его лицо ещё привлекательнее. — Это чертовски мило.

— Просто здесь жарко, — пробормотала я, хотя батареи еле теплились.

— Ага, — он подмигнул. — Особенно когда я делаю так.

Его большой палец медленно провёл по моей ладони, и я чуть не подпрыгнула от электрического разряда, пробежавшего от руки прямо к сердцу.

— Это нечестно, — выдохнула я.

— А кто сказал, что я играю честно? — в его глазах плясали черти.

За окном кружился снег, укрывая прошлое белым саваном. В перестановленной кофейне, среди новых очертаний знакомого пространства, воздух звенел от напряжения. Я смотрела на наши соединённые руки и понимала — это начало. Начало чего-то опасного, запретного и абсолютно неизбежного. И, боже, как же мне этого хотелось.

Глава 16. Альбом с призраками

Утро выдалось морозным. Стёкла кофейни покрылись причудливыми узорами, а редкие прохожие кутались в шарфы, пряча носы от колючего ветра. Я открыла дверь заведения на час раньше обычного — хотелось подготовиться, продумать всё до мелочей.

После той вечерней встречи с Кириллом прошла неделя. Неделя, наполненная сообщениями, короткими звонками и одним ужином в маленьком ресторанчике на набережной. Кирилл оказался внимательным собеседником — слушал так, словно каждое моё слово имело значение.

Сегодня он должен был прийти к открытию. Мы договорились встретиться до начала рабочего дня — я хотела показать ему свои наброски.

Включила кофемашину, вдохнула аромат свежемолотых зёрен. Запах кофе всегда успокаивал, придавал уверенности. Достала из сумки папку с эскизами и разложила на столике у окна.

Идея пришла спонтанно, после нашего разговора о помещении напротив. Что если не открывать новое место, а преобразить это? Превратить обычную кофейню в уютное пространство с авторскими десертами. Маргарита Викторовна давно говорила о необходимости обновления, но всё откладывала из-за нехватки средств и идей.

Звякнул колокольчик на двери. Я вздрогнула и подняла глаза — Кирилл стоял на пороге, стряхивая снег с пальто. Щёки покраснелись, в руках небольшой свёрток.

— Доброе утро, — улыбнулся он, подходя ближе. От него пахло морозом и чем-то древесным. — Надеюсь, не опоздал?

— Точно вовремя, — ответила я, чувствуя, как пульс предательски участился. Ладони вдруг стали влажными. — Кофе?

— С удовольствием.

Пока готовила напитки, Кирилл разматывал шарф, осматривался. Я украдкой наблюдала, как профессионально он оценивает пространство — взгляд скользит по стенам, задерживается на деталях. Его длинные пальцы аккуратно сложили шарф. Что-то в этой простой заботе о вещах заставило меня улыбнуться.

— Держи, — поставила перед ним чашку и тарелку с круассаном. Аромат свежей выпечки смешался с запахом кофе. — Сама делала сегодня утром.

— Ты встала в четыре утра, чтобы испечь круассаны? — он удивлённо приподнял бровь, отламывая кусочек.

— В пять, — я почувствовала, как щёки заливают румянец. — Хотела, чтобы всё было идеально.

Кирилл попробовал выпечку, прикрыл глаза от удовольствия:

— Потрясающе. Серьёзно, Вера, это... — он сделал паузу, словно подбирая слова, — невероятно вкусно.

По телу разлилась волна жара от его слов. Я села напротив, подвинула к нему папку, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле:

— У меня есть идея. Хочу показать тебе кое-что.

Открыла папку, достала эскизы. Наши пальцы на мгновение соприкоснулись, и я почувствовала лёгкий электрический разряд. Кирилл задержал взгляд на моём лице, прежде чем посмотреть на наброски.

— Я подумала о твоих словах. О помещении напротив, о кондитерской. И поняла — можно начать отсюда, — я обвела рукой кофейню, чувствуя, как пересыхает во рту. — Превратить это место во что-то особенное. Не просто кофе, а настоящие авторские десерты. Место, где люди смогут не просто выпить кофе, но и получить настоящее удовольствие.

Последнее слово я произнесла тише, заметив, как потемнел его взгляд. Кирилл склонился над эскизами, его пальцы — длинные, с аккуратными ногтями — скользили по бумаге. Я невольно представила эти пальцы на своей коже.

— Смотри, — я придвинулась ближе. — Здесь открытая витрина с десертами. А тут посетители смогут наблюдать за процессом. Прозрачные перегородки, чтобы видели, как рождаются сладости.

Моё колено случайно коснулось его ноги. Я не отодвинулась.

— Я говорила с хозяйкой. Она заинтересовалась, — сердце колотилось где-то в горле. — Кирилл, мы могли бы сделать это вместе. Ты дизайн, я — концепцию и меню. Это был бы наш совместный проект.

Я подняла глаза. Что-то изменилось в его лице — словно захлопнулась дверь. Желудок сжался от предчувствия.

— Вера, — его голос стал ниже, холоднее. — Это... интересная идея.

— Но? — выдохнула я, ощущая, как немеют кончики пальцев.

Кирилл выпрямился, отодвигаясь. Между нами вдруг возникла пропасть.

— Я не могу взяться за этот проект.

Воздух застрял в лёгких. Я смотрела на него, не понимая, что происходит.

— Почему? — слова царапали горло.

— Это сложно объяснить, — он потёр переносицу, избегая моего взгляда. Жест казался фальшивым. — У меня обязательства перед другими клиентами. Большой проект, который...

— Не ври, — перебила я, удивляясь собственной смелости. — Если не хочешь, просто скажи.

Его глаза сузились.

— Хорошо. Последний раз, когда я работал с кем-то... близким, всё закончилось катастрофой.

Близким. Это слово обожгло. Значит, он тоже чувствовал химию между нами.

— Ты думаешь, я подставлю тебя? — кровь отхлынула от лица. — Или это просто отговорка?

— Вера...

— Что происходит? Я что-то сделала не так? — я подалась вперёд.

Его зрачки расширились.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — процедил он.

— Потому что ты не даёшь узнать, — я чувствовала, как дрожат руки. — Я не предлагаю тебе отношения, Кирилл. Я предлагаю бизнес. Но ты боишься даже этого.

Он резко встал, одним движением застегнул пальто. Побелевшие костяшки пальцев выдавали его напряжение.

— Прости, Вера. Я не могу, — его голос звучал глухо. — И... мне пора.

Он развернулся и вышел, не закрыв за собой дверь. Холодный воздух ворвался в кофейню, обжигая кожу.

Я смотрела на недопитый кофе в его чашке. На отломанный кусочек круассана. Что я упустила? Кто она — та, с которой всё закончилось «катастрофой»?

Я сжала эскизы так, что бумага впилась в ладони. Боль отрезвила. На полу у порога лежал его свёрток — тот, что он прижимал к груди, когда вошёл. Я опустилась на колени, развязала ленту дрожащими пальцами.

Альбом с фотографиями старых кафе. Мои пальцы скользнули по пожелтевшим страницам, пока не наткнулась на снимок, от которого перехватило дыхание.

Точно такая кофейня. Та, что годами жила в моих эскизах и мечтах.

Кружевные шторы, маленькие круглые столики, цветы в кашпо у входа. Всё, как в моих рассказах об идеальном месте.

Замерла, ощущая, как холодеет кровь. Кирилл не просто отказался от проекта. Он бежал от чего-то... или от собственных чувств.

От понимания этого я выронила альбом. Стеклопанная крышка кофемашины отразила моё лицо — бледное и растерянное.

Снаружи завыл ветер, и дверь, оставленная Кириллом распахнутой, с грохотом ударилаcь о стену. Я вздрогнула — будто этот звук был ответом.

Глава 17. Кому верит прошлое?

Кирилл

Снег падал крупными хлопьями, оседая на плечах и волосах. Кирилл не замечал холода, шагая прочь от кофейни быстрым, почти злым шагом. Сердце колотилось где-то в горле, а в висках пульсировала тупая боль.

Чёртова папка с эскизами. Затаённая надежда в её глазах. Проклятое прошлое, которое никак не отпускало.

Свернул за угол, остановился, прислонился спиной к холодной стене дома. Глубоко вдохнул морозный воздух, пытаюсь успокоиться. Сжал и разжал кулаки, борясь с нахлынувшими эмоциями. Пальцы дрожали — не от холода, от злости.

Вера. Её лицо, растерянное, непонимающее, стояло перед глазами. Зачем она показала эти эскизы? Зачем предложила сотрудничество? Всё шло так хорошо — просто кофе, просто разговоры, просто... симпатия. Без обязательств, без прошлого, без страха.

В памяти вспыхнуло: кабинет, залитый солнцем, Ника склонилась над его эскизами, волосы шекочут шею, смеётся.

«Ты гений, Кирюш», — говорит, поправляя золотой браслет в форме змеи. Её пальцы скользили по холодной чешуе — жесту, который он когда-то находил милым, а теперь ненавидел.

Руки непроизвольно сжались в кулаки, будто пытались раздавить воображаемую змею. Желудок скрутило от воспоминания, к горлу подкатила тошнота.

Телефон завибрировал в кармане. Андрей. Брат всегда звонил в самые неподходящие моменты, словно чувствовал.

— Да, — голос прозвучал хрипло.

— Что случилось? — сразу спросил Андрей, уловив напряжение в его тоне.

— Ничего, — выдохнул облачко пара в морозный воздух. — Просто день такой.

— Кирилл, — в голосе брата зазвучали строгие нотки. — Я тебя знаю тридцать лет. Когда ты говоришь «ничего» таким тоном, это значит «всё очень плохо, но я не хочу об этом говорить».

Усмехнулся. Андрей. Единственный человек, который видел его насквозь.

— Помнишь ту девушку из кофейни? — спросил, зная, что брат не отстанет.

— Которая тебе понравилась? Конечно.

— Она... предложила совместный проект. Хочет, чтобы я занялся дизайном кофейни, в которой она работает.

Молчание на другом конце. Андрей понимал. Всегда понимал.

— И ты отказался, — снова не вопрос.

— Да.

— И теперь стоишь где-то на улице и жалеешь себя.

— Я не жалею себя, — огрызнулся, отлепляясь от стены. Ноги сами понесли вперёд, снег скрипел под ботинками. — Просто я принял решение не смешивать личное и рабочее.

— Правильное для кого? Для тебя? Или для твоего страха?

Вот почему разговоры с братом всегда выматывали. Он не давал спрятаться, вытаскивал на свет всё, что так старательно хоронил в тёмных углах души.

— Андрей, не начинай, — процедил сквозь зубы, шагая по заснеженному тротуару. — Ты знаешь, через что я прошёл.

Перед глазами снова мелькнуло: документы о разводе, её подпись, размашистая, уверенная. «Прости, Кирилл, но с тобой я задыхаюсь». Рука непроизвольно потянулась к груди, где под рубашкой и свитером ныло сердце.

Телефон снова завибрировал — сообщение. Вера. Голосовое. Палец замер над экраном, не решаясь нажать.

Вокруг кружился снег — белый саван, укрывающий прошлое, настоящее, будущее.

— Знаю, — голос Андрея смягчился. — Но прошло три года, Кир. Три года. Ты не можешь вечно прятаться от жизни из-за одного предательства.

Предательство. Слово обожгло внутренности, словно глоток кипятка. Горло сдавило спазмом, а в памяти вспыхнула картина: он, вернувшийся домой раньше обычного с букетом её любимых лилий, и звуки из спальни. Те самые звуки, которые невозможно с чем-то спутать. А потом — Денис, выходящий из их ванны в полотенце на бёдрах, с влажными волосами и самодовольной ухмылкой.

— Приезжай ко мне, поговорим, — голос Андрея вырвал из воспоминаний, от которых на лбу выступил холодный пот. — Кстати, Ника в городе. Она на днях звонила мне. Не хочешь узнать, что ей было нужно?

— Мне не интересно, — Кирилл покачал головой, хотя брат не мог этого видеть. Пальцы до боли сжали телефон.

— Как знаешь, — в голосе брата слышалась тревога. — Но не делай глупостей.

— Каких, например? — усмехнулся горько, пнув сугроб носком ботинка.

— Например, не отталкивай людей, которые могут сделать тебя счастливым.

Кирилл сбросил звонок и сунул телефон в карман. Счастливым. Как будто это так просто.

Телефон снова завибрировал. Голосовое от Веры всё ещё ждало. Дрожащими пальцами нажал на воспроизведение.

«Кирилл, я... я не знаю, что произошло. Я видела твои эскизы, когда ты работал в кафе и подумала... В общем, если я чем-то обидела тебя, прости».

Сообщение оборвалось. Кирилл застыл посреди заснеженной улицы, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Пальцы сами нашли её номер. Один гудок. Второй. Третий.

«Абонент временно недоступен».

Кирилл медленно опустил руку. В груди что-то дрогнуло, словно лёд, треснувший под весенним солнцем. Страх? Надежда? Он уже не различал.

Снег продолжал падать, укрывая город белым покрывалом. Где-то в этом снежном мареве была кофейня. И Вера. И, возможно, шанс, который он не заслуживал, но отчаянно хотел получить.

Глава 18. Синдром разбитого калейдоскопа

Квартира встретила привычной тишиной и полумраком. Я скинул заснеженное пальто, прошёл в гостиную, не включая свет. Сел в кресло, уставился в окно, за которым кружились снежинки в свете фонарей — такие же холодные и одинокие, как я сам.

Часы на стене отсчитывали время, которое больше не имело з

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.